

Нелли Мартова

ДЫР

Нелли Мартова

ДЫР

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25919492

ДЫР:

Аннотация

Слава Добролюбов – очень хороший человек. Профессионал своего дела, любит семью и никогда не отказывает бомжам и пьяницам в просьбе подать копеечку. И жизнь его за это вознаграждает – необыкновенными способностями, о которых многие бы мечтали. Вот только дар это или проклятие? Герою не дано этого узнать, пока он не окажется на тонкой грани между жизнью и смертью.

Этот роман – удивительная, щемящая душу история о возвращении утраченной части души.

Содержание

Часть первая	4
Пролог. Савушка	4
Глава первая. Семья	6
Глава вторая. Петрович	15
Глава третья. Дом	24
Глава четвертая. Папаня	29
Глава пятая. Субъект права	38
Глава шестая. Сумка	49
Глава седьмая. Ван Гог Второй	60
Глава восьмая. Марсельеза	68
Глава девятая. Окно	82
Глава десятая. Профессор	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Нелли Мартова

ДЫР

Часть первая

Пролог. Савушка

Душа у Савушки горела. Если бы кто его спросил, что это значит: «душа горит», объяснить он бы не смог, но точно знал только одно: клин клином вышибают, и погасить огонь, выжигающий нутро, могло только одно: пятьдесят грамм водки, а лучше сто. На худой конец, сошло бы и пиво, но в кармане у Савушки было так давно и окончательно пусто, что случайно затесавшаяся монетка предпочла бы раствориться, только бы не нарушать эту прочно воцарившуюся пустоту.

Савушка брел по грязной рыжей тропинке, огибая кучи строительного мусора, и жадно осматривал округу. Какой-то черт занес в его район новостройки, где еще и не живет толком никто – ни сердобольных старушек, ни мамочек с колясками, которые готовы сунуть в руку бумажку лишь бы не видеть его, савушкину, испитую рожу на детской площадке. Если кого и можно здесь встретить, так это строителей – а те

ни за что на опохмел не подадут. Эгоисты кругом и сволочи! Сами пьют, жрут, а чтобы душу спасти человеку – об этом никто даже и не помыслит. «Господи!» – взмолился Савушка. – «Пошли мне доброго человека!»

И словно в ответ на его молитвы дверь подъезда новенького, сверкающего свежей краской дома, распахнулась, и оттуда вышел парень лет тридцати с небольшим в джинсовой куртке. Савушка оценил его мгновенно – крепкий, подтянутый, походка уверенная, упругая, выходит со стройки, а одет чисто и аккуратно, будто только что из примерочной в магазине, – такие никогда не подают. Но душа Савушки с невозможным никогда не смирялась, поэтому, когда парень поравнялся с ним, Савушка тоном как можно более небрежным, будто бы от нечего делать, произнес: «Слышь, браток, у тебя не найдется...» Не успел Савушка договорить, как в руке у него оказался столик. Не веря своему счастью, Савушка отчего-то затараторил то, что говорил обычно прохожим возле церкви, а не крепким молодым парням на стройке: «Благодарствую! Боженька тебя вознаградит, вот увидишь». Парень кивнул и сел в машину, оставляя Савушку наедине с внезапно привалившим счастьем.

Глава первая. Семья

Слава привык слышать в свой адрес: «Спасибо тебе, добрый человек!» С самых первых шабашек, еще когда учился в институте и подрабатывал на стройке, он следовал правилу: с каждой получки откладывал малую толику на «добрые дела». Потом жизнь сложилась так, что строительная специальность стала его основной профессией, но свое «правило доброты» Слава неизменно и неукоснительно соблюдал.

Вот и сейчас он возвращался домой с работы, а в бумажнике, в специальном отделении прятались несколько полтинников. На лестничной клетке он заметил пустой флакон из-под одеколона, вздохнул, подобрал бутылочку и скормил прожорливому мусоропроводу. Подходя к обшарпанной соседской двери, он уже настроился принять еженедельную дозу желанного и ожидаемого облегчения – услышать привычное «Добрый ты мужик, Славка, уважаю!» Он ждал этой фразы с практической уверенностью и крохотной долей беспокойства, как положительного заключения врача после рядового медосмотра.

Но дверь оказалась распахнутой настежь. В прихожей маячили два темных силуэта в форме. А он еще удивился, подходя к дому, почему возле подъезда стоит полицейская машина. Значит, к Петровичу. Натворил, что ли, чего? Слава осторожно заглянул в квартиру, и его пробрал озноб. Сквозь

треснувшее стекло кухонной двери виднелись распростертые на полу волосатые ноги в рваных черных носках и пивная бутылка, из которой разлилась бурая лужица. Голая лампочка, свисавшая с потолка на шнуре, качалась, как маятник, взад-вперед, кусками выхватывая из сизого тумана убогое пространство кухни.

– Судмедэксперта и труповозку, – услышал Слава хриплый голос и отшатнулся.

Перед глазами на мгновение почернело, словно он смотрел в темный колодезь, слух прорезал низкий звон и тут же оборвался. Привычное, обыденное рассыпалось, и Слава понял, что соседа ему будет не хватать, как любимого инструмента в руке. «Ну что ты все время поишь этого алкаша! Тебе что, деньги некуда девать? Запашище от него по всей площадке, и дружки какие-то подозрительные ходят», – ругалась жена. «Жалко его», – вздыхал Слава.

Он вытащил из кармана ключ, перекинул сумку в левую руку и поморщился – внезапно заныло, потяжелело правое плечо. Продуло, что ли? Слава уже поворачивал ключ в замке, когда его окликнул один из полицейских:

– Вы сосед? У него родственники есть, не знаете?

– Никого нет.

Он ответил на несколько вопросов, переминаясь с ноги на ногу, и, наконец, открыл дверь. Не успел надеть стоптанные тапки, как в желудок пробрались аппетитные запахи, а Гуля с кухни крикнула:

– Переодевайся скорее, ужин стынет!

– Папа пришел! – из детской выскочила младшая, Дина, размахивая листком бумаги. – Пап, смотри, какого я козлика нарисовала!

– Молодец! А почему он в сапогах?

– Чтобы не простудился и не заболел! Мама говорит, уже пора сапоги надевать.

Славе сразу стало легче. Он чувствовал свою квартиру, как улитка – раковину. Кажется, еще немного, – и понесет ее на своих широких плечах. Двухкомнатная хрущевка, она и была почти как раковина для семьи из четырех человек. Ходики в большой комнате – сердце обиталища – задавали привычный ритм домашнего вечера: «Тик-так, тик-так, все как обычно, тик-так». Сейчас он поужинает, проверит домашнее задание у старшей дочери, читает сказку младшей, и ляжет спать, совсем как вчера.

Пар и жар кипучей деятельности заполняли крохотную кухню до самого потолка. Пельмени, сами прыгающие из кастрюли в тарелку, показались бы здесь в порядке вещей. Армия трехлитровых банок брала в осаду плиту – Гуля закатывала на зиму помидоры по особому рецепту: с травами, чесноком и страстным желанием сохранить витамины. Своей дачи у них не было, но сестра каждый год исправно делилась с Гулей парой ящичков полузеленых помидор. Плоды терпеливо ждали своего дня в темной коробке под кроватью, а потом, когда созревали, наступали дни больших осенних

заготовок – такие, как сегодня.

– Девчонок зову? – спросил Слава.

– Они уже давно наелись – пирожки прямо со сковородки таскали, – рассмеялась Гуля.

Он уселся за стол. Положил себе на тарелку один пирожок из общего блюда, но есть не стал, а устался в угол. Там стояла скалка – престарелая кухонная работница, покрытая шрамами – трещинами и выжженными пятнами. Слава однажды хотел подарить ей новую, но жена не дала: «Ты что! Эта скалка – моя единственная память о дедушке». «Почему о дедушке, а не о бабушке?» – удивился тогда Слава. «Потому что от бабушки мне еще достались сервиз и швейная машинка. Бабушка была женщиной практичной, поэтому от сервиза и машинки дедушке уворачиваться не приходилось, даже если он приходил очень сильно выпимши».

Гуля никогда не использовала скалку иначе, как по прямому назначению, но семейная история над Славой все же довлекла каждый раз, когда ему хотелось выпить. Но он все-таки встал и достал из холодильника бутылку водки. Гуля оторвалась от закаточной машинки и нахмурилась:

– С чего бы вдруг?

– Петрович-то помер. Помянуть бы надо.

– Допился, значит, – покачала она головой. – Ярар, по такому случаю можно. Сейчас огурцов достану.

Слава смотрел, как она наклоняется и открывает дверцу под окном. В пухлых ягодицах жены прятались тонны запа-

сов семейного счастья. Он часто приходил домой поздно вечером, после десяти, а то и двенадцати часов тяжелой работы, но стоило ему только прикоснуться к этому хранилищу неукротимой энергии, как усталость бесследно растворялась. На время ужина Гуля превращалась в теплые шанежки, золотистые треугольники эчпочмаков, стопки тончайших блинов, круглые беляши с аккуратной дырочкой посередине, татарский куриный суп – тукмас и еще тысячу и одно блюдо. Ночь приносила долгожданное – мягкое, податливое, влажное. Он погружался в нее, как солнечные лучи – в морскую воду, проникал до самого дна и наполнялся ее частым дыханием так, что сам мог бы не дышать еще три дня.

Когда у него были срочные заказы в пригороде, приходилось ночевать прямо на объектах, чтобы не терять время на дорогу. Весь день он укладывал плитку, а поздно ночью устраивался в спальном мешке посреди пустой комнаты, не обращая внимания на запах раствора и густую влажность. Перед глазами вставала сетка ровных прямоугольников, а руки, уставшие от гладких холодных поверхностей, пытались нащупать мягкие полушария. Не находя их, он спал беспокойно, ворочался, ему казалось, что гулкое пространство необжитого помещения поглощает его, как трава – заброшенную тропинку.

Гуля порезала соленые огурцы, поставила на стол две рюмки и села рядом. Длинная прядь черных волос выбилась из растрепанного хвоста, в ней запуталась сухая травинка.

– Славка, налей мне тоже.

Он налил молча, только удивился про себя – жена выпивала редко, исключительно по праздникам. От запотевшей бутылки по руке побежал приятный холодок, и боль в плече сразу угомонилась, затихла.

– Душа не на месте, – Гуля отвечала на вопросы, даже если они не были заданы вслух.

– Из-за Петровича?

– Дался мне твой алкаш! – она вспыхнула, стащила резинку и распустила волосы по плечам. – Давно ясно было, что этим кончится. Из-за кредита.

– Не бери в голову. Банков много, в этом откажут, попробуем в другом.

– Не в этом дело. Славка, может быть, не стоит, а? Мы и так неплохо живем. Сколько лет потом кредит отдавать?

Он вздохнул.

– Мы ведь уже все решили.

Они уже все решили. У них будет мальчик, так решил Слава. С тремя детьми нельзя жить в двухкомнатной квартире – это было решение Гули. У них будет дом за городом. Там для детей свежий воздух и деревенское молоко, а для Славы – полно работы в строящихся коттеджных поселках. У Гули будут просторная кухня, кладовка и большая морозилка. Ее многочисленные татарские родственники смогут приезжать в гости, а она будет доставать из морозилки клюкву и смородину, печь пироги, усаживать всех за большим столом

и затягивать пронзительные песни, из которых ни слова не понятно, только слышится тоска по утерянным просторам и вольным ветрам. Слава будет вставать с утра пораньше, пока родичи еще не проснулись, и вместе с сыном ходить на рыбалку, кататься на велосипедах летом или на лыжах зимой, просто гулять.

Поначалу они мечтали, потом строили семейный бюджет: выписывали цифры на клетчатом листочке, вырванном из школьной тетрадки, складывали их на калькуляторе, и каждый раз сумма выходила неутешительной. Слава мог бы сам сделать всю отделку и даже кое-какие капитальные работы, но участок в удобном районе, подвод коммуникаций и стройматериалы все равно стоили слишком дорого, гораздо дороже их двушки в спальном районе, не говоря уже о готовом доме. Да и где жить, пока идет стройка, если продать квартиру? Он не мог вспомнить, кто и когда первый раз заговорил об ипотеке. Решение пришло как-то само и незаметно, то ли от улыбчивой девушки из телевизора, которая предлагала счастливое будущее под умеренный процент, то ли от шустрого Тяпкина – начальника строительной бригады и владельца собственного «ООО». «Ты, Славка, мужик хороший, работаешь как надо, а заказами я тебя обеспечу. Оглянуться не успеешь, как рассчитаешься. Сам бы тебе одолжил, да не располагаю средствами – все в дело идет. Но справку тебе о зарплате хорошую сделаю, они там все равно проверять не будут». Тяпкин не подвел и справку выдал внушительную,

сумму указал намного больше той, что Слава получал на руки.

Они выпили с Гулей по две рюмки. Сначала не чокаясь – помянули Петровича, а потом за то, чтобы завтра банк дал положительный ответ.

– За домом у нас будет вишня расти, а еще малина и смородина. А с другой стороны сделаем теплицу. В теплице урожай в три раза больше, чем в грунте, – рассуждала Гуля.

– Место надо оставить для качелей и детской площадки. И елка, я обязательно посажу елку, – вставил Слава.

– Только чтобы площадка была под кухонным окном. Эх, Славка! Будем с тобой жить, как в кино. Газонокосилку заведем. Будешь по воскресеньям надевать белую кепку и траву подстригать на детской площадке. Уф алла, у меня же банки! – Гуля соскочила и метнулась к плите.

– Придумаешь, тоже, – усмехнулся Слава. – Белую кепку...

Гуля любила смотреть американские фильмы, комедии и мелодрамы, где в роли главных героев выступала многодетная семья, живущая в каком-нибудь уютном пригороде. В таких фильмах отец семейства по выходным непременно подстригал газон, а потом они устраивали барбекю и звали в гости друзей.

Слава хотел налить себе еще, по привычке оценивающе смотрел на бутылку. Он никогда не позволял себе выпить больше половины бутылки, не хотел портить следую-

щее утро. А в будние дни разрешал себе не больше четверти.

– Папочка, почитай мне! – на кухне появилась Дина в пи-
жаме. – Я тебя жду-жду...

– Пойдем, пуговка.

Девочка просияла, схватила отца за руку и повела за со-
бой.

Глава вторая. Петрович

Под потолком детской висел воздушный шар с корзинкой, внутри светилась лампочка. На полках теснились тощие Барби и пухлые мягкие игрушки, стопка учебников пристроилась прямо на полу возле стола, с обратной стороны двери на вешалке висел отглаженный школьный пиджачок. Веселые обои с плюшевыми мишками выцвели и местами обтрепались. Раньше Слава не обращал на это внимания, как любой человек не замечает обыденную домашнюю обстановку. Но теперь, когда переезд в новый дом перешел из категории «мечтаем когда-нибудь» в другую – «вот-вот собираемся», он смотрел на все другим взглядом. Девчонкам надо будет отдать комнаты побольше, а спальню для них с Гулей можно сделать и в маленькой.

Он сел, как всегда, прямо на пол возле нижнего яруса двухэтажной кровати, скрестив ноги по-турецки. Старшая, Карина, буркнула из-за стола, не поворачиваясь:

- Привет, пап!
- Уроки сделала? – спросил Слава.
- Опять будете мешать заниматься?
- Терпи, казак, атаманом будешь! Может, у тебя скоро своя комната будет.
- Правда? – Карина оглянулась, в ее черных глазах блеснул живой интерес.

– Раз отец обещает, значит, будет. Если принесешь все пятерки за полугодие.

Карина вздохнула и уткнулась в тетрадку.

– Папа, а дядя Петрович сегодня придет песню петь? – спросила Дина, уже забравшись в постель.

– Нет, доча, он больше никогда не придет.

– Почему?

– Его забрали злые волшебники.

– А к нам они не придут?

– Я их не пущу, – улыбнулся он. – Давай свою книжку.

«Среди обширной канзасской степи жила девочка Дина. Ее отец, фермер Слава, целый день работал в поле, а мать Гуля хлопотала по хозяйству».

Карина фыркнула из-за стола и покрутила ручкой у виска.

Дина хихикнула и зажмурилась.

Он читал вслух, слышал свой голос, как со стороны, а в голове крутилась беспокойная, скрипучая мысль: «Если резко бросить пить, можно умереть». Откуда он это знает? Где-то слышал или читал. Вчера Слава не заходил к соседу, и тот явился сам, часов в десять, когда Гуля уже укладывала детей спать. Дыхнул тяжелым перегаром, уставился мутным взглядом на славины руки и жалобно попросил:

– Одолжи полтинничек, а? Я верну через неделю.

Оба знали, что обещания Петровича сравни предвыборным, разве что скромнее, и денег он никогда не вернет.

– Дал бы, да нету, – честно ответил Слава. – У меня только

крупные, а жена не разменяет, сам понимаешь.

«Русские не сдаются», – красноречиво гласила растянутая, выцветшая футболка соседа. Если дело казалось выпивки, Петрович этому девизу следовал беззаветно.

– Помираю, брат. Как пить дать, помру, если не дашь. Ну хоть сто грамм налей, а? Ведь у тебя же есть.

– Да нет у меня, – соврал Слава.

– Никто, никто меня не любит, – проскулил сосед, потом театрально поднял руку и неожиданно запел тонким залившимся голосом. – Никто не приглашает на танцы, никто не провожает до дома...

На потолке нервно мигнула лампа.

– А ну пошел отсюда! – из детской выскочила Гуля, шлепнула Петровича полотенцем по руке. – Дети ведь спят!

– Пусть меня никто не любит, я ухожу, – сосед еще более театральным жестом повесил голову и удалился.

Петрович «помирал» с регулярностью до трех раз в неделю, поэтому Слава тогда нисколько не забеспокоился. Кто же мог знать, что он и в самом деле коньки отбросит? Вот ведь странное чувство, будто Слава ему должен, как будто он ему зарплату платил, а не угощал выпивкой. Дать бы хоть на похороны денег, но кому? Кто его хоронить-то будет?

Он вернулся мыслями к чтению:

– «В большом закопченном котле Гингема варила волшебное зелье. Она бросала в котел мышей, отрывая одну за другой от связки»

Ему вдруг стало неудобно, что он сидит в детской, у постели дочери, а думает о похоронах какого-то алкаша. Как будто крысу сюда принес. Поэтому следующую фразу он прочитал громко и с выражением:

– «Куда это подевались змеиные головы?»

– Папа! – услышал он за спиной укоризненный шепот и вздрогнул. – Папа, она спит давно.

Карина взяла из его рук книгу. Слава потрепал ее по голове, поправил одеяло Дине, вышел из детской, заглянул на кухню.

– Меня не жди, – предупредила Гуля. – Я сегодня хочу разобраться с помидорами.

Слава посмотрел на очередь пустых банок и пошел спать.

Он закрыл за собой дверь в комнату и прислушался к родному, убаюкивающему ритму: «Тик-так, тик-так». Остальные звуки едва касались слуха и тут же отпрыгивали обратно, как шарики для пинг-понга. В хрущевке нельзя остаться наедине. Где-то рядом кто-то кашляет и спускает воду в туалете, скрипит кровать, хлопает дверца холодильника, бубнит телевизор. Но пока тикают часы, в комнате как будто больше ничего и не слышно, и суeta мыслей постепенно уступает место неспешному потоку снов.

Слава снял колючую кружевную накидку, которая накрывала горку подушек на диване. В те редкие дни, когда Гули не было дома – уезжала навестить родственников или лежала в больнице с кем-то из девочек – по утрам он оставлял на-

кидку висеть на спинке кровати. Кружевные накидки подарила Гуле его мама на свадьбу. В славином детстве не было страшнее преступления, чем уронить или испачкать такую накидку. Теперь символ маминой строгости пробуждал самые приятные предвкушения – если накидка на подушках, значит, Гуля дома, а убрать накидку – почти как стянуть с жены трусики, потому что продолжение часто следует то же самое. Если задуматься, в их квартире-раковине все вещи имели историю. Можно открывать семейный музей. С этой мыслью Слава погрузился в беспокойный сон.

Мир славиных снов был устроен так, что картинки в нем время от времени повторялись, но он понимал это, только когда просыпался. Как бы часто он ни видел раньше один и тот же сон, всякий раз он казался ему новым и неожиданным. Вот как этот, про качели.

– Папаняяя!

Раскрасневшийся пацан в курточке взлетает вверх на качелях и с радостным воплем подпрыгивает в самой высокой точке.

– Не прыгай так, выпадешь! – строго говорит ему Слава.

– Не-а! – кричит мальчишка, подпрыгивает еще выше и срывается с узкого деревянного сиденья.

У Славы заходится сердце, но он успевает расставить руки и поймать ребенка в охапку, прижимает его к себе и треплет по голове. Кажется, что в мире нет ничего важнее этой взлохмаченной макушки.

– Папаня! Ну ты меня заеб! – отбивается мальчик.

Слава возмущен. Он хочет раз и навсегда отучить мальчика разговаривать так с отцом.

– Что ты, сынок, сказал? – переспрашивает он.

– Загьеб ты меня, папа! Взял, уками схватил и загьеб всего! – хохочет пацан.

Слава смеется и просыпается.

Он видел этот сон так давно и так часто, что не мог понять – его ли это собственное детское воспоминание или мечта о сыне. Об отце он почти ничего не помнил – родители развелись, когда он еще ходил в детский сад, а мама о нем говорить не любила.

Слава перевернулся на другой бок. Ходики отправляли в небытие ночное время, а он никак не мог заснуть. Гуля все еще возилась на кухне. Он думал о Петровиче и о том, что ждет его завтра в банке. Его мучило ощущение, что он забыл поставить печать на какую-то важную бумагу, и теперь ему откажут. Гнал от себя чувство вины. Повторял себе, что Петрович грозился умереть едва ли не каждый день, что никакое здоровье не выдержит столько пить. Размышлял, как бы все-таки помочь с похоронами.

Когда Слава, наконец, снова заснул, ему приснился другой сон, совершенно новый.

– Встань на колени! – велел ему знакомый голос.

Перед ним стоял Петрович все в той же растянутой футболке с девизом, в полосатых семейных трусах до колен. Из

рванных черных носков выглядывали большие пальцы. Вокруг головы соседа светился туманный нимб, как у святых на иконах. Слава едва не перекрестился. Остановило его только то, что Петрович почесывал у себя в паху, запустив руку в трусы.

– Вставай на колени! – повторил сосед и поднял вверх указательный палец. – Вставай!

Тело соседа издало непотребный звук, он шевельнул задом и вдруг взлетел над полом, словно под ним возникла воздушная подушка. Туманный нимб расползлся вокруг него во все стороны. Ошарашенный Слава рухнул на колени.

Петрович протянул руку над головой Славы и продекламировал, будто стихи читал:

– Да не оскудеет отныне рука твоя, добрый человек!

С этими словами Петрович с грохотом приземлился на пол и сказал уже нормальным голосом:

– Славка, хороший ты мужик! Единственным моим другом был. Никто ко мне так по-доброму, как ты, не относился. Ко мне, к простому алкашу, – как к человеку. Вот я и решил напоследок объявить тебе, так сказать, благодарность и сделать подарок. Только учти: подарком нужно пользоваться!

– Петрович, – спросил Слава. – Тебе там вообще как?

– Хорошо, – кивнул сосед и хихикнул. – Наливают. Ладно, прощай, Славка. Вспоминай меня иногда, что ли, за рюмочкой.

Слава хотел сказать ему что-то напоследок, но не мог со-

образить, что именно. «Пусть земля тебе будет пухом» вроде бы людям не говорят, а удачи и здоровья желать – тоже как-то не кстати.

Петрович сцепил перед собой волосатые ручища, запрокинул голову и тоскливо запел тонким голоском:

– Сиреневый туман над нами проплывает...

На словах «А может навсегда ты друга потеряешь» фигура соседа растворилась в тумане, голос его стих и Слава утер слезу.

Утром он проснулся в отличном настроении. Сон мог означать только одно – Петрович не обиделся, простил его. Предчувствие говорило Славе, что и с банком все должно пройти удачно.

После бритья он, как обычно, тщательно протер зеркало в ванной. Слава стирал пятнышки зубной пасты и капельки воды сосредоточенно и внимательно, будто расчищал пространство будущего дня от серьезных проблем и мелких неурядиц. Даже если он опаздывал, что, впрочем, случалось с ним редко, он всегда оставлял после себя идеально чистое зеркало. Точно также Слава всегда начищал до блеска первую уложенную плитку – зачин еще одной безупречной ванной или кухни.

Выходя из дома, Слава заметил пломбу с печатью на двери соседа, и в груди на мгновение неприятно заныло, но быстро прошло.

На первом же перекрестке он умудрился проехать на крас-

ный – последний раз с ним такое случилось, когда он вез жену в роддом. Вслед ему раздалось возмущенное гудение, но этим и обошлось. Оставшуюся часть дороги Слава ехал медленно и аккуратно, словно только вчера права получил.

Здание банка, как невеста на выданье, сияло подчеркнутой красотой. Глаз радовали яркие цвета – сочный оранжевый, радостно-золотой, чернильной густоты синий. За окном хмурилось тяжелое небо, но просторный зал заливал яркий свет ламп, отражался от глянцевых поверхностей, играл на сосредоточенных лицах девушек за стойками. Слава по привычке внимательно оглядел пол и поморщился – несколько плиток выступали чуть заметно, буквально на миллиметр выше других – халтура. От этого наблюдения стало неприятно, но он утешил себя мыслью, что вряд ли плитку здесь укладывали сотрудники банка.

Сотрудница кредитного отдела сегодня уже не улыбалась ему так приветливо, как в тот день, когда он принес заявление.

- Напомните фамилию, пожалуйста.
- Добролюбов. Вячеслав Михайлович.
- Да, по вашей заявке решение принято, – ответила девушка.

Слава не удержался и шумно вздохнул.

Глава третья. Дом

Слава с Гулей стояли перед аккуратным двухэтажным коттеджем из красного кирпича. Участок вокруг дома производил впечатление не самое радостное – ни забора, ни дорожек, ни деревьев. Одна только сплошная осенняя грязь, да орет противным голосом козел, привязанный к столбику на соседском участке.

Но для жизни с детьми район был просто идеальным. Крупный поселок, всего в двадцати километрах от города, с одной стороны, – река, лес, поле и никаких производств, а с другой – есть поликлиника и школа, магазины и все коммуникации.

Потому, наверное, домов здесь продавалось немного, и Гуля сразу же ухватилась за этот вариант. Цена, правда, была соответствующая – максимально возможного размера кредита хватало тютелька в тютельку. Поэтому Слава сомневался – для начала нужно было как следует осмотреть дом.

Дверь открыл хозяин – маленький лысоватый человечек лет пятидесяти с круглым, торчащим вперед животом. Слава вспомнил картинку из какой-то детской книжки, где герой возил свое необъятное пузо на тележке перед собой. Некоторые люди принадлежат своим животам. Не живот служит человеку, а человек – животу. Такой пузовладелец холит и лелеет свое брюхо, и все его мысли сосредоточены только на

том, как бы угодить его величеству Пузу, как бы устроить его поудобнее в кресле, да накормить повкуснее и поплотнее. И животы эти настолько непропорционально огромны по сравнению со своими хозяевами, словно не являются их частью, а живут сами по себе, как паразиты, управляемые изнутри потусторонним разумом. Вот и бежит такой раб живота своего то за жареной курочкой, то за пельмешками, то за салом и солеными помидорками. Слава к чревоугодникам относилась, как к инвалидам и алкоголикам: со смесью жалости и острого ощущения «слава богу, я не такой».

– Борис Хомин, – представился толстяк и пожал Славе руку.

После недолгого обмена любезностями хозяин пояснил:

– Мама сама этот дом проектировала, она архитектор. Для себя строила, очень хотела жить на свежем воздухе. А потом вот заболела. Не хочу продавать, а приходится...

Он развел пухлыми ручками.

– Может быть, она еще поправится? – спросила Гуля.

– На лечение много денег нужно, – вздохнул Хомин. – Да и не потянет она уже все это – дом, хозяйство... Ей теперь в городе надо жить, поближе к больнице.

Заметив некоторое разочарование на лице Гули, толстяк поспешно добавил:

– Вы не подумайте, тут в поселке тоже хорошая поликлиника есть, и даже узкие специалисты. Просто маме с ее болезнью нужен особенный уход, но вам еще рано о таком ду-

мать, вы еще молодые.

– А сами не хотите жить здесь? – не унимала свое любопытство Гуля.

– Я ведь журналист, чистый, знаете ли, гуманитарий – ни гвоздя забить, ни за руль сесть, – хихикнул Хомин. – Не для меня это, не приспособлен я для хозяйства.

Закрапал мелкий противный дождик. Слава еще раз оглядел дом сверху донизу. Водостоки хорошо сделаны, правильно, ничего мимо не течет, фундамент размывать не будет. Да и сам фундамент, по крайней мере, снаружи целый и ровный, без трещин.

– Внутри посмотрим? – спросил Слава.

– Конечно, – кивнул Хомин.

Толстяк вкатился в дом, бережно неся впереди себя живот. Гуля со Славой последовали за ним под завистливое блеяние мокрого козла. Заходя, Слава несколько раз открыл и закрыл дверь, убедился, что закрывается легко – значит, повешена ровно, и проем не перекосило после усадки фундамента.

Пока они осматривали дом внутри, Слава не без удовольствия наблюдал за Гулей – вид у нее был такой, словно он привез ее в большой торговый центр выбирать новое платье. Гуля придирчиво разглядывала комнаты, но он уже чувствовал, что ей нравится. Отделка в коттедже была черновая – голые стены, уже выровненные и оштукатуренные, радиаторы отопления на месте, но дверей еще не было, с потолка

свисали на проводах лампочки, на полу стяжка. Слава слазил на чердак, убедился, что крыша не течет, и стропила крепкие, а строители не стали экономить на утеплителе. Окна открывались ровно, стены возле окон не были холоднее, чем в остальных местах – это уже хорошо. Похоже, мама-архитектор свое дело знала. Он тщательно простучал стены – пустоты не слышно, значит, и штукатурки не халтурили. Да, придется еще вложить в ремонт, но это уже не так много, зато они смогут все сделать по своему вкусу.

– Сделай скидку, – сказал Слава Хомину, когда они осмотрели оба этажа и подвал. – Здесь еще работы – конь не валялся.

– Да самое дорогое уже все сделано! – засуетился тот, показывая на трубы в будущей кухне. – Вода проведена, канализация готова, септик, отопление запускать можно.

– А электрика? – настаивал Слава. – На втором этаже даже разводки нет. Забор, опять же, ставить надо.

– Так и быть, я поговорю с мамой, – неохотно согласился Хомин и отошел в дальний конец комнаты.

– Ну как тебе? – спросил Слава у Гули. – Мне нравится.

– Слав... – Гуля провела пальцем по гладким деревянным перилам лестницы, ведущей на второй этаж. – А мы потянем такой ремонт? Долго очень, наверное, и дорого.

Он присел на корточки – проверить, ровно ли сделана стяжка на полу. Обычному человеку понадобился бы для этого уровень, но Слава и так наметанным глазом определил,

что работа хорошая.

– Потянем! – уверенно сказал он. – Стройматериалы на базе возьму по оптовой цене, позову мужиков на пару выходных подработать, быстро сделаем.

Гуля подошла к окну.

– Вот здорово было бы раковину прямо здесь поставить, у окна. Всю жизнь мечтала, чтобы можно было в окно смотреть, когда посуду моешь. Можно будет, а, Слав?

Он подошел сзади и обнял ее, положив подбородок на плечо. За окном тряс мокрой бородой козел.

– Значит, тебе нравится?

– Славка, нравится – не то слово! – она повернулась к нему, в черных глазах загорелись огоньки. – Твоими-то руками тут можно прямо дом нашей мечты сделать.

Хомин вернулся к ним довольный.

– Так и быть, сделаю вам скидку.

Они быстро договорились о цене и ударили по рукам. Уходя, Гуля еще раз бросила взгляд на окно на будущей кухне. Слава по хозяйственной привычке уже начал мысленно прикидывать, как лучше повесить шкафчики, но тут же прервал себя – рано еще, сначала нужно получить от банка разрешение на покупку именно этого дома. В конце концов, покупать через банк даже как-то спокойнее – пусть они проверят его по своим каналам.

Глава четвертая. Папаня

– Папаня! – глухо, издалека звал голос.

Славе показалось, что сердце у него стало больше груди. Иначе оно не могло бы стучать так громко. Он возвращался из сна медленно, как будто поднимался в крутую гору, и сердце постепенно принимало нормальный размер, возвращалось к обычному ритму, чтобы слиться с привычным ночным «тик-так» спальни. Слава окончательно проснулся и сел на кровати. Голова кружилась, смутные очертания комнаты плыли перед глазами. Кажется, вечером он слишком много выпил. Гуля тихонько похрапывала, свернувшись калачиком. Ему снова снился тот сон? Про качели?

– Папаня, не бросай... – снова воззвал к нему голос, но окончания фразы Слава не расслышал.

Что это? Глюки? Он замер и прислушался.

– Папаня, не бросай меня в колодец! – наконец, разобрал он.

Голос пел из-за стены. Слава нащупал на полке мобильник. Экран показывал час тридцать. Он попытался вспомнить, как давно он обращал внимание на пломбу на двери соседа. Петровича похоронили две недели назад. Вроде бы нашлись не то дальние родственники, не то бывшие коллеги по работе, которые оплатили похороны, но домой тело не привозили, отправили на кладбище прямо из морга. Может

быть, это сверху или снизу? Он встал, приложил ухо к стене, отчетливо расслышал пение:

– Папаня, не бросай меня в колодец! Я этого, кажись, не заслужил-жил-жил-жил!

К счастью, хрипловатый голос даже отдаленно не напоминал вариации тембра Петровича, поэтому закрывшуюся было нелепую мысль о потустороннем Слава сразу отбросил. Вселился новый сосед и отмечает новоселье? Все может быть. Хотя добровольно поселиться в квартирке Петровича, который годами не выходил из запоев и скорее бы вылил в унитаз бутылку водки, чем взялся за уборку, согласился бы разве что бомж или наркоман. А если бы делали ремонт, Слава бы заметил.

Он никак не мог заснуть, вертелся с боку на бок. Почему так раскалывается голова? Буря магнитная, что ли? Когда песня утихала, он возвращался мыслями к радостному. Сегодня Гуля испекла его любимый курник – большой круглый пирог с начинкой из курицы и картошки и хрустящей корочкой. Достали початую в день смерти Петровича бутылку – был повод отметить. Десять дней назад он отнес в банк пухлую папку с документами на коттедж и участок, а сегодня банк дал свое согласие на сделку. И только тогда Слава по-настоящему поверил, что скоро у них будет собственный дом. Осталось самое простое – все оформить, получить в банке деньги и рассчитаться. Он наливал рюмку за рюмкой, и ел вторую порцию курника, и думал, что домик хоть и

недостроенный, но руки-то у него золотые, а значит, к новому году можно будет отметить новоселье, продать квартиру и вернуть добрую половину кредита. Потом еще немного поднатужиться, пару лет брать как можно больше работы, расплатиться с остатком и зажить припеваючи. Ближе к полуночи Гуля сказала: «Все, хватит» и убрала бутылку в шкафчик. Кажется, оставалась еще четверть бутылки. И чего бы так голове раскалываться со ста грамм-то?

– Папаня, не бросай меня в колодец! – с новой силой взревел голос за стеной.

Жена застонала во сне, но не проснулась. Слава забеспокоился. А что, если и правда, бомжи забрались? Увидели опечатанную квартиру, решили, что никто не прогонит. Почему тогда шумят, а не сидят тише воды ниже травы? Напились, видать. Слава тихо поднялся, натянул штаны.

Пломба на соседской двери была сорвана, обрывки бумажки с печатью лежали на полу. Он толкнул дверь – не заперто. Поколебался долю секунды и вошел. Прихожую заполняли клубы табачного дыма – хоть топор вешай, на кривом крючке висела черная кожаная куртка. Некоторое время Слава тихо стоял и вслушивался в слова песни. Хриплый голос под однообразное бречанье гитары задорно, как пионерский гимн, выводил:

И долго еще доносились звуки,
В колодце бурлила вода.

Отец постоял, почесал свои... руки,
Подумал и плюнул туда.
Кривою походкой, уже под луною,
Вернулся убивец домой.
Лег спать, но не спится, все чудится голос,
И видится сын, как живой.
Папаня, не бросай меня в колодец!
Я этого, кажись, не заслужил-жил-жил-жил.
Бросишь, обратно не воротишь,
Какую ж ты мне лажу подложил, чувак!

Голос стих, но бурных аплодисментов не последовало. Слава громко постучал в стену и прошел в комнату. На диване, давно потерявшем определенность цвета и формы, с гитарой в руках лежал здоровый парень в черной футболке с оторванными рукавами, дырявых джинсах и ботинках типа «говнодавы» с развязанными шнурками. Только копна спутанных рыжих волос, которой позавидовало бы пугало, выделалась ярким пятном. Рядом, прямо на полу, валялось несколько пустых пивных бутылок, в открытой банке из-под шпрот дымились бычки.

Рыжий заметил Славу, поставил гитару на пол и сказал:

— Здорово, чувак! Ты кто?

— Я сосед, — ответил Слава и, на всякий случай, добавил. — Было не заперто.

— Я никогда не закрываю. Для панка мир всегда открыт, — он широко развел руками, поднялся и протянул руку:

– Лошарик.

– Не понял, – поморщился Слава, разглядывая веснушчатую физиономию.

– Ло-ша-рик. Так меня зовут, понял? Не «лошара» и не «лох», а «Лошарик». Такой герой из мультика, весь из воздушных шариков, помнишь?

– Не помню, – удивился Слава.

Благодаря дочкам Слава отлично помнил Винни-Пуха, Незнайку, мишек Гамми, Смешариков, Лунтика и еще десяток детских героев, но Лошарика среди них не было. Однако руку, неожиданно крепкую и горячую, он пожал и представился в ответ:

– Слава.

– Пива будешь, Слава? – спросил парень.

– Нет, спасибо.

– Ну, ты заходи, садись, будь как дома, сосед.

Слава огляделся. Все, как было при Петровиче: тот же лупоглазый монстр – телевизор «Рубин», дощатый пол в облупившейся краске, вытертый гобелен с оленями на стенке над диваном, рваные обои и пожилой, покосившийся сервант. Сквозь оборванную занавеску в комнату заглядывала луна, высвечивая сизую полоску сигаретного дыма. Слава прошел в комнату и подумал, что дома надо будет как следует протереть тапки. Со скрипом сел на диван – как в дыру провалился – и спросил:

– Парень, а ты откуда здесь взялся?

Называть человека «Лошариком» было как-то неудобно. Все равно, как ослом.

– Ты, сосед, не волнуйся. Теперь я здесь жить буду.

– Ты покойному Петровичу родственник, что ли?

– Предкам со мной жить тяжело. Понимаешь, их от меня колбасит. А тут папаня говорит, можно квартиру отхватить и отселить меня, придурка, только ремонт сделать. А на кой панку ремонт? Грязному панку их гламурненькие паркеты и белые ванны на фиг не нужны. Главное, чтоб тепло было. Я как узнал, так сразу и отселился. Точно пива не хочешь? – он шумно отпил из бутылки.

В затылке у Славы все еще плясала боль. Сейчас бы пропустить, в самом деле, пивка, и отпустило бы. Но утром за руль и на работу, будет запах. Он покачал головой и спросил:

– А лет-то тебе сколько?

– Я себя чувствую примерно в возрасте Холдена Колфилда. Мне пока еще легче выкинуть человека из окошка, чем ударить его по лицу.

Слава поморщился. Выпендривается, сопляк...

– Студент я. Изучаю мировую экономику, – сказал рыжий и плюхнулся рядом.

Диван нервно скрипнул в ответ, в зад больно впилась пружина. Слава прочел надпись, накарябанную маркером прямо на экране телевизора:

«Калектор сточных вод»

– Это мой друган написал, – гордо сказал Лошарик, заме-

тив его взгляд. – Тоже студент, только филолог.

– «Коллектор» с ошибкой написано, – заметил Слава.

– Ну и что? Я вот сознательно не исправляю ошибки вообще нигде, потому что, во-первых, это будет выглядеть неестественно, а во-вторых, зачем их исправлять? Может, ошибка – это часть человека.

– Послушай, эээ... друг, – сказал Слава. – Не шумел бы ты по ночам, а? У меня две дочки, старшей завтра в школу, да и мне на работу.

– Дети – это святое. Клянусь поваренной книгой анархиста, что по ночам буду тих, как шпрота в банке.

– Вот и лады, – кивнул Слава. – Пошел я, спокойной ночи.

– Сосед, ты, я вижу, человек добрый, заходи, потусуемся.

– Да у меня жена, – машинально отмахнулся он.

– Что? Не пускает? А ты пойді мусор выносить и оставайся у меня. Я как-то пошел выносить отходы в мусоропровод. Мне всегда нравилось это гениальное устройство – оно примитивно, но в то же время идеально. Толстенная трубець проходит насквозь все этажи, и много-много ящичков открывается в хаотическом порядке на разных этажах. И все движение идет к огромному контейнеру, который стоит внизу. Приколи, какое ускорение получают отходы хозяйства, падающие с высоты шестнадцатого этажа по этой трубе? А звук? От разных отходов разный, я это замечаю. Так вот, вышел я выносить ведро с отходами в пижаме, плохо мне было. А тут лифт открывается, и ребята с девчонками

стоят, хватают меня и волокут вместе с ведром на тусовку. В одной пижаме я провел, наверное, около недели. Тут у вас, правда, мусоропроводов нет, но зато есть помойки. Помойки я люблю еще больше... Представь, чувак: ночь, улица, фонарь, ведро и ты в пижаме.

Слава не мог представить себя в пижаме, потому что никогда их не носил. Потом подумал: а если его сын к восемнадцати годам станет вот таким вот Лошариком? Да ремня получит, что там говорить.

– Я спать пошел, – сказал он.

– Передавай супруге мой самый пламенный панковский привет, – Лошарик щелкнул зажигалкой и затянулся очередной сигаретой.

– Ага, обязательно...

Слава с облегчением вернулся в чистую постель и вдохнул свежий цветочный запах чистого белья. После комнаты соседа дома он себя почувствовал, как в раю. Эта квартира сама, что ли, притягивает асоциальных элементов? Интересно, а денег на выпивку этот тоже будет просить, или ему папаша дает?

Он заснул почти сразу. Всю ночь ему снился мусоропровод. Дверцы открывались на разных этажах, оттуда сыпались деньги, а Слава бегал, запыхавшись, и собирал их в большую женскую сумку, золотую и блестящую, с лакированной поверхностью.

Утром он ел блинчики с вареньем и пил горячий кофе.

За кружевной занавеской светилось бледное начало будущего дня, и он никак не мог сообразить: приснилась ему ночная встреча или нет? Только когда проходил мимо соседской двери, он заметил, что пломба на двери, и в самом деле, сорвана. Слава преодолел искушение толкнуть дверь – вдруг опять открыта – и поспешил на работу.

Глава пятая. Субъект права

А потом события закрутились, наслоились одно на другое, словно кадры в сломанном фотоаппарате, и Слава думать забыл и про Петровича, и про нового соседа. Банк требовал заключить сделку в течение недели. С первого раза пробиться в регпалату Славе не удалось – слишком большие очереди. На следующий день пришлось встать с утра пораньше, чтобы получить заветный талончик. Гуля намекала, что неплохо бы нанять риэлтора, но Слава был уверен, что справится и сам. К тому же, он не доверял посредникам любого рода. В день сдачи документов в регпалату он вручил продавцу первую часть платежа – кругленькую сумму, которую они откладывали несколько лет. Быстрым росчерком Слава поставил свою подпись под договором купли-продажи и сделал про себя мысленную отметку, как ветку срубил: пути назад уже нет.

После этого пришлось заняться договором со страховой компанией, а потом снова нести документы в банк. Вся эта беготня занимала уйму времени, а тут еще заказчик неожиданно попросил срочно доделать две ванных комнаты на объекте, обещал хорошо доплатить за сверхурочную работу. В довершение всего младшая дочь умудрилась подхватить воспаление легких, и ее положили в больницу. Гуля почти не бывала дома, все время проводила с Диной, оставалась с ней

ночевать. Слава приходил домой поздно, находил на пустой, молчаливой кухне тарелку с едой, накрытую крышкой, жевал, не чувствуя вкуса, а в большой комнате его ждала только кружевная накидка, висящая на спинке кровати.

Слава метался между объектом, банком, аптеками и домом. Дочь то шла на поправку, то у нее снова поднималась температура, а ему всего лишь раз удалось выкроить время, чтобы навестить ее в больнице. В регпалате Слава обратил внимание на обширный список сделок, которые не были зарегистрированы по каким-то причинам, и теперь ждал свидетельства о собственности с некоторым беспокойством. Раскладка плитки в срочной ванной оказалась весьма невыристой, а сам кафель – таким дорогим, что заказчик купил его в обрез, и Славе пришлось долго ломать голову. Он всегда гордился тем, что умудряется не израсходовать ни одной лишней плитки, но никогда еще это не давалось ему с таким трудом. Он пытался сосредоточиться на сочетании узоров, но перед глазами вставало бледное, измученное личико дочери, и он думал лишь о том, все ли куплены лекарства, и что еще можно сделать, чтобы ребенок поправился.

Мешала работать боль в руке. С каждым днем плечо ныло все сильнее и сильнее. К вечеру даже пальцы сводило судорогой, и он с трудом удерживал шпатель. Обещал себе сходить в поликлинику, как только появится время, а пока обходился мазью, которую ему посоветовали в аптеке. Мазь помогала плохо. Только раз мучительная боль ненадолго отпу-

стила – мужики в бригаде отмечали чью-то денюху, и Слава пропустил рюмку. Однако выпивать среди бела дня он не привык, да и глушить боль выпивкой было как-то малодушно, не по-мужски.

Слава решил отложить самый сложный участок работы на выходные. Документы уже будут на руках, Дине, как он надеялся, станет лучше, и можно будет доделать работу без нервотрепки, даже если придется работать круглосуточно – первый раз, что ли?

В четверг утром он получил заветную синюю бумажку с печатью. Прочитал про себя: «Субъект права: Добролюбов Вячеслав Михайлович». Осталось только отнести бумаги в банк, получить деньги и рассчитаться с продавцом. Выйдя из регпалаты, Слава осчастливил двух попрошайек возле перехода сотенными купюрами. Он теперь домовладелец, субъект права, а значит, и добрых дел его должно стать больше. Вслед ему неслось: «Дай Бог тебе здоровья», а он смотрел в осеннее небо цвета картона и удивлялся себе. Радость внутри него молчала, не откликалась на важную бумагу, только стало ему вдруг тяжелее, как будто он проглотил пару килограммов раствора, а тот застыл и превратился в комок в горле и груз на плечах.

Слава свернул во двор, быстрым шагом пересек его и через арку нырнул в следующий. Возле регпалаты негде было припарковаться, пришлось оставить машину в одном соседних дворов. Учреждение располагалось не в самом цен-

тре города, и дворы здесь соревновались на унылость – покосившиеся сараюхи, источающие запах гнилого дерева, смеялись сбившимися в кучу, словно цыплята, железными коробками гаражей и смятыми ограждениями клочков земли, бывших когда-то газонами. Впрочем, здесь еще были живы деревья, усыпанные желтыми пятнами листьев, хромые скамейки и бабки, лузгающие семечки. Районы новостроек даже и этим не могли похвастаться. Как хорошо, что совсем скоро у детей будет свой собственный двор.

По округе разлетался залиvistый смех – пацан лет десяти катал на качелях другого, помладше. Взлетали вверх яркие ботиночки, ритмичный скрип отзывался в памяти эхом далекого беззаботного детства. Слава невольно улыбнулся. Комок в горле растворился, стек в живот и переварился там, оставив после себя лишь легкий горьковатый привкус, как будто он съел что-то не совсем свежее, но еще не испорченное.

Банк перечислил ему деньги в тот же день, и Слава сразу же заказал на пятницу наличные. Продавец попросил отдать ему деньги в другом банке, где у него был открыт счет. Они договорились встретиться в пять часов вечера. Когда в сумке у Славы оказался десяток плотных банковских упаковок с купюрами, он запретил себе думать о том, за сколько лет зарабатывает подобную сумму. Он просто едет в машине по делам, а рядом, на переднем сиденье, лежит сумка. Ничего особенного, все как обычно, только все двери на всякий слу-

чай заперты изнутри. На месте он был уже в половине пятого.

В пятницу к вечеру в банке толпились люди, варились и кипели в тесном пространстве маленького жаркого помещения, как макароны в кастрюле. Тетки, «которых здесь не стояло», врывались в кассы первыми, бабули просили прочитать вывески и объявления вслух, жены подталкивали в спину мужей, каждый вновь прибывший тщательно изучал порядок впереди стоящих. Слава стоял в уголке и следил за стрелками часов, положив обе руки на сумку. Чем больше женщин суенилось вокруг, тем спокойнее он себя чувствовал. Наверное, это свойство мужской природы – в нервной, непривычной обстановке сразу же собираться, нащупывать в себе силу, чтобы мгновенно подставить крепкое плечо тем, кому оно понадобится.

Зазвонил мобильник, охранник молча указал ему на выход – в помещении банка разговаривать по телефону было запрещено. Слава стоял под темнеющим небом, ловил лицом холодные капли дождя и слушал взволнованный голос Гули. Она не спросила его, как дела, только торопливо сообщила новости из больницы. Врачи сказали, что сегодня-завтра должен наступить кризис, и тогда Дина либо быстро поправится, либо болезнь перейдет в хроническую форму. И еще она предупредила, что Карина останется переночевать у своей тетки, сестры Гули, так что он может из банка сразу ехать доделывать свою срочную ванную. Слава вздохнул. Они так мечтали, как будут в этот день все вместе отмечать

покупку дома, и так по-дурацки все сложилось. Ну, ничего, потом отметят, когда Дина поправится.

Он вернулся в суету душного зала, занял, на всякий случай, очередь и снова уставился на часы. Когда стрелка перевалила за четверть шестого, он вышел на улицу и набрал номер продавца. За несколькими длинными гудками последовал механический ответ оператора. Слава терпеть не мог эти сообщения: «Абонент недоступен», «Абонент не отвечает». Равнодушный голос безжалостно обрубал нить надежды, и каждый раз казалось, что вот еще бы чуть-чуть, и абонент бы ответил. Но продавец не отзывался ни на второй звонок, ни на третий.

– Мужчина, ваша очередь прошла, – сварливо заявила ему толстая тетка, едва он вернулся обратно.

– Я пока не буду стоять, – спокойно отозвался он.

В шесть часов Славе казалось, что уже не первую неделю он торчит в этом зале, заполненном людьми, что перед ним прошли сотни, тысячи лиц, а сам он находится внутри кокона, в котором время и пространство замерли раз и навсегда. Он запретил себе нервничать. Что он, баба какая, чтобы психовать? Задержался человек, а телефон дома забыл. Мало ли, бывает. Расписку от продавца в получении денег банк будет ждать три рабочих дня, у него еще есть время. Но пальцы непослушно выбивали на сумке неровный ритм, и в голову закрадывалось подозрение: а если с ним что-то случилось? Как тогда быть со сделкой? И тут же ему стано-

вилось стыдно: если с человеком произошло несчастье, надо ему сочувствовать, а не думать о своих проблемах. Дом – это всего лишь дом, это меньше, чем жизнь.

В половине седьмого он подумал, что надо бы положить деньги обратно в банк, чтобы не мотаться с ними по городу на объект заказчика, да и вообще, не держать их у себя. С одной стороны, отдавать деньги все равно здесь придется, почему бы не открыть счет и в этом банке? С другой стороны, зачем платить за открытие счета, и зачем он ему потом будет нужен? К тому же, Слава не очень-то доверял банкам вообще, а конкретно про этот не знал совсем ничего. Да и очередь вон какая длинная, он может не успеть. Слава еще раз набрал номер продавца, в очередной раз выслушал равнодушный механический ответ и вернулся в машину – решил положить деньги обратно на счет в своем банке. Когда он свернул на проспект, то понял, что лучше было остаться. Вечер пятницы – то самое время, когда особенно хочется жить за городом, и работать там же. На улицах города становится слишком тесно для обычных человеческих желаний конца рабочей недели. Но разворачиваться было уже поздно – он оказался взаперти в плотном потоке машин. Через полчаса черепашого движения он понял, что не успеет добраться в банк до закрытия.

Может быть, поехать по адресу продавца, который указан в договоре? И вручить ему деньги на месте? И словно в ответ на его мысли зазвонил телефон – Хомин наконец-то ото-

звался.

– Я прошу прощения, но сегодня никак не могу встретить-ся, – голос в трубке был торопливый и взволнованный.

– Я уже деньги получил, – сказал Слава.

Некоторое время в трубке царило молчание...

– Алло... Алло, вас не слышно, – громко произнес Слава и почти сразу услышал тихий ответ Хомина:

– Мама... Она только что умерла.

– Понял. Мои соболезнования.

– Спасибо! Как смогу, я позвоню.

Слава бросил взгляд на сиденье – с черного бока сумки на него смотрела козлиная морда с бородой и рогами. Сумку привез знакомый из Штатов, когда-то под мордой было название какой-то спортивной команды, но буквы давно стерлись, а морда держалась крепко. Славе даже показалось, будто бы козел ехидно ухмыляется. Сзади раздался нетерпеливый гудок автомобиля, Слава выругался и переключил сцепление, чтобы продвинуться еще на десяток метров вперед.

К понедельнику нужно закончить ванную. Ехать на объект с деньгами? Вернуться домой и спрятать их под матрас? Слава вздохнул и включил поворотник, чтобы перестроиться в левый ряд. Чего зря суетиться? Поедет домой, дома ничего с деньгами до понедельника не случится. А утром, часов в пять, рванет на объект и успеет все сдать в срок.

Дорога заняла у него добрых два часа. И только когда Слава стоял перед своей дверью и ощупывал карманы, он по-

нял, что забыл ключи дома. Он встал рано, когда Карина еще не ушла в школу, и, посмотрев на градусник, надел дружную куртку. А ключи забыл переложить из кармана. Стоять перед дверью родной квартирki-раковины, как бездомная улитка, и понимать, что никто не ждет внутри, было странно и неприятно. Он вернулся в машину – придется поехать в больницу за ключом.

Выезжая со двора, Слава заметил, что машина как-то непривычно дергается. Стоило ему повернуть на улицу, круто забирающую вверх, как двигатель неожиданно заглох. Слава повернул ключ зажигания туда и обратно – безрезультатно. Стрелка на приборной панели показывала – бензин на нуле. Вот блин! Слава стукнул кулаком по рулю. От расстройства совсем забыл заправиться. Он включил аварийку, скатился задом к обочине и задумался.

Ехать в автобусе поздно ночью с такой суммой в руках совсем не хотелось, а вызывать такси – нет привычки тратить деньги по пустякам. Слава скрючился на сиденье и попробовал подремать, но нексия – не та машина, в которой можно уютно устроиться. Вскоре его начал пробирать холод, ведь не май месяц на дворе – середина сентября. Гуля давно намекала, что неплохо бы поменять машину на другую, получше, но Слава отмахивался – верная рабочая лошадка, бегаёт и бегаёт. Лучше эти деньги на дом отложить. Он встряхнулся, вышел из машины и достал из багажника ящик с инструментами. В конце концов, строитель он или нет? Что, не от-

кроет какую-то дверь?

Слава вернулся к дому, поднялся на свой этаж, открыл ящик, оглядел инструменты. С какой стороны взяться за дверь? Можно попытаться вырезать или выломать из замков цилиндры, но тогда придется утром бежать в магазин за новыми замками. Можно принести из машины болгарку и попробовать срезать петли, но на площадке нет розетки, да и соседей разбудит. Выломать всю коробку? Нет, это никуда не годится. Надо сделать так, чтобы дверь можно было потом легко починить и закрыть обратно. Слава задумался.

– Здорово, чувак, – из соседской двери высунулась взлохмаченная рыжая башка.

Значит, новый сосед ему не приснился. Парень вышел на площадку и заглянул в ящик:

– Чувак, а ты чего делать-то собрался?

– Ключи дома забыл, – вздохнул Слава. – А жена в больнице с ребенком.

– Заходи, у меня переночуешь.

Слава вспомнил продавленный диван и пелену дыма, без которой соседскую квартиру было так же трудно представить, как без стен или потолка.

– Нет, спасибо. Я сейчас с дверью разберусь.

– Да заходи! Одному пить скучно. Я тебе ремонт покажу. Ты, похоже, в этом сечешь, а у меня как раз одна стена не доделана.

– Я вообще-то по плитке, – сказал Слава. – Может, тебе

ванную надо сделать? Или там фартук на кухне.

– Фартук? Белый в красную клеточку и с оборками? Нет уж, если панк готовит еду, ей надо пропитаться насквозь. Пусть будут пятна, и брызги, и кровавые подтеки, но мы с моей жратвой должны быть одним целым.

Лошарик скрылся в квартире, и не подумав закрыть за собой дверь. Слава вздохнул, взял сумку, ящик с инструментами и последовал за ним. Все лучше, чем в машине мерзнуть, скрючившись. Да и выпить не помешает после такого неудачного дня.

Он прошел в комнату и обалдел. Сказать, что квартира Петровича преобразилась – ничего не сказать. Славе случилось работать и в коттеджах, больше похожих на сказочные замки, и в элитных домах, и в ресторанчиках, претендующих на оригинальность, и сталкиваться с самыми чудными полетами дизайнерских фантазий, но ничего подобного ему раньше видеть не приходилось. И когда он только успел, этот новый сосед? Неужели Слава так уставал, что совсем ничего не слышал и не замечал?

– Чего стоишь, чувак? Садись, будь как дома.

Слава поставил ящик с инструментами на пол и снял куртку.

Глава шестая. Сумка

Слава с трудом открыл опухшие глаза, но тут же снова зазмурился. Или это сон, или он проснулся в каком-то модном музее. Однажды он видел по телевизору музей современного искусства: показывали стол, прибитый к потолку, скульптуру из смятого автомобиля, гигантскую туфлю с членом внутри и живописные кучи мусора. То, что он наблюдал сейчас, приоткрыв один глаз, было ничуть не лучше. Прямо перед собой он видел смятое постельное белье, черное и блестящее, как тойота Тяпкина. Провел рукой – гладкое, похоже, шелковое. У Гули была ночная сорочка из такого материала, она ее очень берегла. Гигантская кровать, как будто увеличенная под лупой, кончалась в каком-нибудь полуметре от стены, а рядом с ней стояла железная урна, неровно покрашенная в ядовито-желтый цвет и проржавевшая изнутри. Слава бы не удивился, увидев такую мусорку в парке рядом со скамейкой или возле входа в продуктовый магазин, но черный шелк и мягкое железо отказывались существовать в его сознании друг рядом с другом. На стене над урной было нарисовано нечто трудно вообразимое, белое с желтым, таких причудливых форм, как будто кого-то стошнило на стену после поедания апельсинов вперемешку с деталями детского конструктора.

Едва Слава об этом подумал, как к горлу подступил мучи-

тельный спазм. Он облизнул пересохшие губы. Вкус во рту наводил на мысль о том, что накануне он поужинал собачьим дерьмом.

– Господи, – пробормотал он. – Лучше бы я умер вчера.

События вчерашнего дня восстанавливались в голове постепенно и неохотно. Первым почему-то вернулось воспоминание о том, что дикая настенная живопись называется «Яичница в пятом измерении». Слава приподнялся, сморщился и приложил руку к голове. Когда комната вокруг перестала качаться, он разглядел в противоположном углу огромной кровати, которая занимала почти все пространство комнаты, тело в джинсах и рваной футболке. Тело смачно храпело. До того, как он перевел взгляд выше, ему казалось, что хуже он себя чувствовать уже не может. Теперь ему перестало хватать воздуха.

Через всю стену – надо полагать, несущую – проходила огромная трещина. Преодолев сиюминутное желание выскочить из квартиры и бежать из нее, куда подальше, Слава подошел ближе, потрогал пальцем. Нарисовано! Но, елки-палки, до чего здорово нарисовано! Как настоящая. От сердца отлегло, но вдохнуть полной грудью он все равно не смог. Тогда он подошел к окну и распахнул форточку. На небе рваной простыней висели унылые тучи, в легкие ворвался свежий влажный воздух и принес с собой четкую мысль: вчера он пришел сюда с деньгами. Слава огляделся вокруг: в углу у изголовья кровати стояла гитара и валялись несколько

книжек, возле окна возвышалась куча мятых шмоток, рядом примостился славин ящик с инструментом. И больше, кроме желтой урны, совершенно ничего. А где же сумка с деньгами? Слава попытался сглотнуть, но горло пронзила саднящая боль. Он метнулся в ванную, повернул кран и жадно, большими глотками напился из ладоней невкусной, тепловатой водой.

Всю квартиру Слава обыскал за какую-нибудь минуту. Перевернул постель, заглянул под кровать, посветил туда мобильником. Возле кровати валялись два пухлых тома: Библия и «Сергей Есенин. Избранное». Слава заглянул в свой ящик с инструментами и даже в гитару. Прошелся и проверил каждый угол: кухня, в старом, советских еще времен холодильникемышь повесилась, ванная, почерневший унитаз, рваная душевая занавеска, прихожая, пустая антресоль с выломанными дверцами, перетряхнул кучу одежды в углу – сумки нигде не было.

Он выглянул на площадку, дернул ручку своей двери, несколько раз позвонил. Никто не отвечал. Слава вернулся в соседскую квартиру, потряс за плечо Лошарика:

– Слышь, парень!

– Отвали, чувак, – проворчал тот и перевернулся на другой бок. – Еще среднее утро.

– Просыпайся!

Парень засунул рыжую голову под подушку и попытался пнуть его ногой. Слава нашел в ванной тазик, наполнил его

доверху холодной водой, принес в спальню и одним махом вылил Лошарику на голову.

– Фррррр!

К удивлению Славы, парень не произнес ни единого матерного слова, а только фыркал, тряс головой и плевался во все стороны, как морские котики, которых он однажды видел в цирке с дочками.

– Ну ты даешь, чувак! Прямо по-нашему, по-панковски, – уважительно сказал Лошарик, вытирая голову шелковой простыней.

– Где моя сумка? – спросил Слава.

– Какая еще сумка?

– Обычная черная спортивная сумка, сбоку козел нарисован.

– Чувак, ты же ее подарил.

– Кому? Ииик! – от неожиданности Слава икнул.

– Ну, ты вчера бил себя в грудь и кричал, что ты очень добрый человек, и тебе для ближнего ничего не жалко.

– К-к-кому всем? Ик! К-к-кому подарил? Ик! – Слава поверить не мог его словам.

– Ван Гог.

– Кому? Ик!

– Я бы уточнил, но ни хрена не понимаю в живописи.

Слава взревел и сжал кулаки.

– Быстро говори, кому я отдал сумку?

– Да чуваку одному. У него полуха нет, и он любит кар-

тинки картинки малевать, поэтому мы его Ван Гогом зовем.

– Где он живет, этот твой Ван Гог? Имя у него есть нормальное?

– Не знаю я! И адреса не знаю. Но могу показать, – миролюбиво ответил Лошарик.

– Пошли, – Слава потянул его за мокрую футболку.

– Подожди! Мне надо принять ванну, выпить чашечку кофе... и потом, мне надо переодеться. Я, конечно, в июле за просто бы и так пошел, но мы, панки, любим, когда тепло.

Слава сполз по стене и закрыл голову руками. У него внешне кончились силы. Лошарик стянул мокрую футболку и принялся увлеченно копать в куче одежды.

– Как можно так напиться, чтобы даже не помнить, что вчера было? – спросил Слава риторически вслух у самого себя.

– Очень просто! Когда чувствуешь, что больше не можешь, надо выпить еще столько же, – сообщил Лошарик, отшвыривая в сторону ядовито-зеленую футболку.

– Блин, ну я же никогда не пью больше половины бутылки. Ну, в крайнем случае, грамм триста... – пробормотал Слава про себя.

– Слушай, чувак, а чего ты весь на измене из-за этой сумки? Что у тебя там?

– Деньги, – честно ответил Слава.

Какой смысл теперь скрывать? Этот Ван Гог теперь ни в жизни не признается, что ему подарили сумку с деньгами.

Если только он сам не нажрался до такой же степени, и тогда есть шанс, что он ее еще не открывал. Лишь бы только не выкинул и не потерял!

– Ты можешь быстрее, а? – Славе захотелось самому напялить на парня первые попавшиеся штаны. Ну чего он такой медлительный? А еще панком себя называет.

– Много, что ли, денег? – из самого низа кучи на свет появились красные брюки в клетку.

– Я собирался дом купить...

Лошарик присвистнул.

– На фига тебе дом? Геморрой один и скукотища. Всю жизнь, как привязанный к одному месту.

– Слушай, я же тебя не спрашиваю, зачем тебе черная простыня и красные штаны!

– Красные штаны под цвет портвешка, – пояснил Лошарик, а потом примирительно махнул рукой:

– Да ладно. Ты, чувак, не расстраивайся. Ты теперь богатый. Зарабатываешь себе на три дома.

– Ты это о чем? – с подозрением спросил Слава.

Про себя он выматерился. Чего он такого еще мог вчера натворить? Может быть, лучше даже и не спрашивать, не знать?

Лошарик, наконец-то, сделал выбор – напялил узкие черные кожаные штаны, рваные красные носки и футболку с фотографией каких-то лохматых парней.

– Секс Пистолз, – сказал он, проследив за взглядом Сла-

вы. – Самая панковская группа.

– Так почему я теперь богатый? – все-таки спросил Слава.

– У тебя золотые руки! Сейчас покажу.

Слава вздохнул. Он и так знал, что руки у него золотые, но сколько лет надо вкалывать, чтобы заработать такую сумму? Судя по голым стенам на кухне и в ванной, плитку он здесь вчера не выкладывал.

– Нет уж, пойдем к твоему Ван Гогу, по дороге расскажешь.

– По дороге не получится. Уф, башка трещит, самое время пивока принять. Я бы, конечно, предпочел портвешку, но чего нет, того нет.

Лошарик вытащил из старого советского холодильника бутылку пива, вылил половину в грязный граненный стакан. Пена с шипением перелилась через край, он шумными глотками выпил все до дна и протянул бутылку Славе:

– Налей мне еще.

– Да иди ты! Сам налей и пошли.

Смотреть на пиво было трудно, как на дешевый уродливый кафель, за укладку которого обещают хорошо заплатить. С одной стороны, противно, а с другой, Слава прекрасно знал, что если сейчас выпить бутылочку, жить станет легче, тупое нытье в затылке утихнет, и голова начнет лучше сообщать. Он зажмурился, протер лицо рукой, помотал головой и стряхнул с себя желание, как кошка – воду. Похмеляются только алкоголики.

– Налей, чувак. Посмотришь, что будет, – настаивал Лошарик. – Никуда не пойду, пока не нальешь.

У Славы зачесались кулаки, но он все-таки взял бутылку и вылил остатки пива.

– Во! Видал, чувак? – Лошарик с довольным видом отпил из стакана.

– Ну, что еще?

– Смотри! – он поднял бутылку и помахал у Славы перед носом.

Внутри по-прежнему плескалось чуть меньше половины.

– Попробуй еще!

Слава налил еще раз, и еще, но в бутылке оставалось ровно столько же, сколько и было.

– Что это за приколы? – недоуменно спросил Слава. – Бутылка с двойными стенками? Какого черта ты надо мной издеваешься?

– Чувак, никак приколов. Я же говорю, у тебя золотые руки!

Слава нашел на подоконнике еще один стакан, сполоснул, налил из бутылки и попробовал. Пиво как пиво, самое обычное. Допил, снова взялся за бутылку – жидкость лилась в стакан, поднимая пену, вытекала через край, но стоило ему поставить бутылку на стол, как она опять оказалась наполненной до половины.

– Тьфу ты, блин, – Слава выругался, сел прямо на грязный пол в кухне и обхватил себя руками за голову.

Это сон. Все это – просто страшный сон. Сейчас он проснется, нащупает с закрытыми глазами мягкие и теплые округлости, уткнется носом жене в плечо и расскажет, какой кошмар ему приснился. Начнется обычное субботнее утро, Гуля напечет блинчиков, Карина похвастается пятерками за неделю, Дина заберется к нему на колени и обнимет за шею, а потом они все вместе пойдут в кино или гулять в парке.

Но сколько Слава не щипал себя за бока, сколько не силится проснуться – ничего не получалось. В реальности существовали только грязные крашенные стены, батарея в облупившейся краске, труба от газовой плиты и пузатый советский холодильник. И еще бутылка – наполненная почти до половины. Наверное, так начинают терять рассудок. Он не мог понять, отчего больше сходит с ума – от того, что напился до беспамятства в малознакомой компании и потерял огромные деньги, или от того, что проклятая бутылка пива не кончается. Может быть, сама эта чудная квартира сводит его с ума? Нехорошая такая квартирка, притягивает разный сброд. Деньги, толстые банковские пачки, плотно упакованные в сумку, матовое коричневое стекло бутылки, вкус пива во рту, смешанный запах штукатурки и затянувшейся пьянки, все это плыло в голове, смешивалось в густой едкий раствор и застилало глаза бурым туманом. Слава потряс головой, но туман не рассеивался. Тогда он зажмурился и попытался привести в порядок мысли.

С чего начался кошмар? Со вчерашнего дня, когда про-

давец дома не приехал за деньгами? Или раньше, когда Дина заболела? Или еще раньше, когда он познакомился с соседом-студентом? Слава посмотрел вверх. Под потолком раскачивалась на голом шнуре лампочка. Кухню заполнял дым — Лошарик курил, лежа в углу и задрав ноги в рваных носках на стенку, стряхивал пепел прямо на пол. Взад-вперед качалась лампочка, хотя ветра или сквозняка в воздухе не замечалось. Слава закрыл глаза, вспомнил, как несколько недель назад так же качалась в сизом тумане лампочка, а здесь, на этом самом месте, лежало тело, и понял: все началось со смерти Петровича. С того самого дня, точнее, ночи, когда он увидел сон, в котором бывший сосед сказал ему... кстати, а что он ему тогда сказал?! Что-то про руку, которая не оскудеет!

Когда они отмечали с женой согласие банка на сделку, то выпили, кажется, совсем немного. Но у него разболелась голова, и Гуля утром тоже жаловалась на плохое самочувствие. И вчера, как он мог так напиться, если у него всю жизнь было правило выпивать не больше половины бутылки, даже по пятницам и особенно по пятницам? Ну да, ведь так всегда бывает, — в дружеской беседе не замечаешь, как выпиваешь одну рюмку, другую, третью, а потом счет теряется, только и остается, что поглядывать на бутылку, а если эта бутылка не кончается?

Слава посмотрел на пиво у себя в руке. Что он там говорил, Петрович-то? Подарок он сделает? Значит, это ему

надо сказать спасибо за то, что Слава сейчас, вместо того, чтобы спокойно доделать заказ и навестить дочь в больнице, пьет пиво с малолетним раздолбаем и не знает, как вернуть охрененную сумму чужих денег? Подарочек! Удружил, блин! Слава со злостью швырнул бутылку в стену. Когда та разлетелась сотней крошечных коричневых осколков, ему стало чуть полегче. Может, с ним и случилась какая-то чертовщина, но, по крайней мере, теперь он точно больше не напьется. Вообще пить не будет, а если вдруг и выпьет, то будет считать рюмки. Пальцы загигать.

Лошарик даже не обернулся, знай себе, попыхивал сигареткой.

– Пошли, парень. Не знаю, что это за трюки с бутылкой, но если я не увижу твоего Ван Гога в ближайшие полчаса, я за себя не отвечаю.

– Он будет рад тебя увидеть, я не сомневаюсь, – Лошарик ухмыльнулся и одним прыжком поднялся на ноги.

Глава седьмая. Ван Гог Второй

По дороге Слава набрал номер Гули. Та ответила шепотом:

– Подожди, в коридор выйду.

– Ну, как там Дина?

– Пока не очень. Не хуже, но и не лучше. Все еще температурит и совсем ничего не ест. Врачи говорят, надо ждать. Капельницу поставили...

– Скажи ей, что папа ее очень-очень любит, но не может пока прийти. Работы невпроворот.

– Не надо, не приходи, – сказала Гуля. – Врачи сказали, ей нужен полный покой. Я сама сижу тихонько как мышка.

– Все будет в порядке, – Слава постарался придать своему голосу уверенный тон. – Вот увидишь, она скоро поправится.

– И, алла, ты у меня совсем голодный, наверное, дома есть нечего. Хочешь, я приеду ненадолго, что-нибудь приготовлю?

В моменты жизненных и семейных кризисов Гуля особенно старалась, чтобы все домочадцы были как следует накормлены. Слава относился к этому ее желанию с пониманием – знал, что это не пустые хлопоты и не попытка отвлечься, а желание сохранить в переменчивом мире островок постоянства, удержать под контролем и в благополучии хотя бы часть жизни.

– Не надо. Я здесь, на объекте, перекушу, – ответил Слава.

– Только дошираки всякие не ешь, лучше кашу разведи.

Они попрощались, и Слава поймал себя на мысли, что впервые за много лет соврал жене. Нет, были, конечно, случаи, когда он что-то не договаривал, но чтобы вот так, откровенно врать, такого он за собой не припоминал. А что он должен был сказать? «Дорогая, у меня для тебя есть две новости: хорошая и плохая. Плохая: у нас не будет никакого дома, а хорошая: я тебе теперь налью столько водки, сколько захочешь».

Лошарик привел Славу к двухэтажному дому в одном из соседних дворов. На таких домах, как бы ни старались владельцы квартир – красили стены, ремонтировали крыши, меняли окна на пластиковые и вешали дорогие шторы – все равно лежит невидимая печать тоски и обреченности. Эти дома пришли из прошлого, из времен бараков и коммуналок, тесноты и нищеты, когда белье развешивали прямо во дворе, соседи одалживали друг у друга сковородки, а чумазные дети стайками бегали, где им вздумается.

Когда они подходили к подъезду, мимо дома пронеслось что-то странное, дико орущее, с зеленым задом и чуть не сбило их с ног. Слава даже не понял, кошка это была или собака, и почему оно развило такую бешеную скорость.

Внутри пахло сыростью и старостью. На ступеньках Слава заметил зеленые следы, похожие на кошачьи, по которым они поднялись на второй этаж и остановились перед высокой

железной дверью.

Открыл им маленький и худой человечек с седой бородкой, в берете и клетчатой жилетке. Слава сразу покосился на ухо – в самом деле, мочки левого уха как не бывало. Это выглядело странно, но не противно – просто аккуратное круглое ухо без мочки.

– А, Слава! Лошарик! Милости просим, я гостям всегда рад, – Ван Гог слегка картавил.

В квартире пахло краской, полы были застелены слоем газет. Они прошли мимо открытой двери, Слава заглянул внутрь, ожидая увидеть картины, но в комнате просто шел ремонт – у недокрашенной стены стояла открытая банка зеленой краски, рядом с ней тазик с какой-то жидкостью.

– Вы не видели Пикассо? – озабоченно спросил хозяин дома, обернувшись к гостям. – Я за него немного беспокоюсь.

Славе стало совсем не по себе. С кем еще он вчера пил – с Сальвадором Дали?

– Что-то такое пронеслось, отдаленно похожее, – ответил Лошарик. – Что ты с ним сделал?

– Этот дурной кот угодил задницей в банку с краской! – пожаловался Ван Гог. – Я просто не знал, что с ним делать.

– Кот с зеленой жопой – это очень панковская штука, – заметил Лошарик. – Я бы так и оставил.

– Так нельзя! Животное начнет себя вылизывать и может заболеть! – возмутился хозяин. – Я решил принять меры.

Подумал, краску ведь отмывают ацетоном...

– И ты сунул кота задницей в ацетон? – восхитился Лошарик. – Это самый крутой способ сделать реактивного кота! Чувак, у тебя получилось!

Они прошли в просторную комнату. Одну стену занимал огромный книжный шкаф, на другой висел выцветший ковер. Под ногами скрипел старый паркет, а сверху укоризненно смотрела люстра с подбитым глазом – в одном из плафонов лампочка не горела, а зияла неровная дыра, как будто в люстру кто-то кинул камень. Обои кое-где отслоились, по потолку расплзлось пятно сырости, но в комнате все же было довольно уютно, чувствовалась женская рука – та, что разложила по полкам салфетки и расставила вазочки, вымыла до блеска пол и поддерживала жизнь в цветах на подоконнике. Слава внимательно оглядел все вокруг, но сумки не увидел.

– Я так и думал, что вы придете. Жена пошла по магазинам, но оставила обед. Лучшие в мире котлетки и жареная картошечка... отличный закусон! А я приберег, я оставил, ждал вас.

Слава тяжело вздохнул.

– Слушай, друг, тебя как звать-то? Что-то я запамятовал.

– Меня это не удивляет, – трагическим тоном ответил тот. – Я оставил свое имя в прошлом и стал другим человеком. Поэтому я его никому не называю. Зови Ван Гогом. Я и картины так подписываю: «Ван Гог Второй».

– Послушай, ммм.... друг, – начал Слава издалека. – Ты помнишь, что вчера было?

– Отлично, отлично помню. Вчера было очень, очень хорошо. Лошарик нам такие стихи читал, такие стихи, – зататорил Ван Гог.

Он прочистил горло, отставил ножку в сторону и продекламировал:

Утро таяло в тумане,
Шелестели камыши,
Грациозные, как лани,
Шли по полю алкаши.

– Bravo! У тебя отличная память, – похлопал его по плечу Лошарик.

Слава поперхнулся и закашлялся. Он собирался спросить насчет сумки, но слова застряли в горле, вырвался только натужный кашель.

– Тебе надо выпить! – засуетился Ван Гог. – Я сейчас принесу котлетки, а вы пока садитесь на диван.

Ван Гог ненадолго исчез, но вскоре вернулся и вкатил в комнату черный лакированный столик на колесиках, на котором красовалась сковородка, доверху наполненная слегка подгоревший жареной картошкой, тарелка с горкой котлет и поллитровая банка домашних соленых огурцов.

– Каков натюрморт, а?! – восхищенно сказал художник и полез в шкаф.

Спустя мгновение натюрморт завершили початая бутылка водки и три объемистых стопарика.

– Ну, нальешь? – спросил Ван Гог у Славы с надеждой в голосе.

– погоди. Я вчера подарил тебе сумку. Ты помнишь?

– Давайте сначала выпьем? – Ван Гог протянул Славе бутылку. – Пересохло уже в горле. С утра ведь ни в одном глазу, ни в одном глазу.

– Нельзя верить человеку, который не успел похмелиться, – поучительно произнес Лошарик и сполз с дивана на пол, поближе к тарелке с котлетами.

Слава вздохнул.

– Нет, так не пойдет. Ты помнишь сумку или нет?

– Смерти моей хочешь? – Ван Гог картинно повесил голову. – Ладно, пытай меня, я все расскажу, как плохой партизан на допросе. Припоминаю, вроде бы я вчера приносил какую-то сумку.

– Вроде бы или приносил? – Слава пристально посмотрел ему в глаза.

Ван Гог отвел взгляд и замахал руками:

– Да, я принес, я принес домой! И положил вот здесь, возле дивана.

Слава поднялся, обошел диван, заглянул за него. Сумки нигде не было.

– Танюша сегодня делала уборку. Она всегда по субботам убирается, пока я сплю. Она золотая женщина у меня, просто

подарок.

«Жена пошла по магазинам», – вспомнил Слава, и сердце у него екнуло.

– Позвони ей, – хрипло сказал он.

– Ну дай хоть горло промочить! Душа ведь, душа болит!

– У меня тоже болит, за сумку.

– А что там у тебя? Я вчера и не посмотрел, так устал, просто сил не было.

– Бомба, – ответил Слава. – Ты газеты читаешь?

– Конечно, я же интеллигентный человек, – Ван Гог поправил беретку.

– Читаешь, а не знаешь, что нельзя у незнакомых людей сумки просто так брать.

– Какой же ты незнакомый! Ты сосед Лошарика, а Лошарика я сто лет знаю, он наш человек. Ты так не шути со мной, так нехорошо. И вообще нельзя так, сначала подарил, а теперь отбираешь. Порядочные люди так не поступают.

– Там одна вещь нужная осталась, в сумке. Просто позарез, как нужная. Заберу, и сумку отдам тебе обратно. Подарил, так подарил. Ты будешь жене звонить?

Ван Гог вздохнул, достал из кармана жилетки телефон, набрал номер и приложил трубку к остатку уха. Некоторое время он молча слушал, а потом пожал плечами и сказал:

– «Абонент временно недоступен». Наверное, батарейка кончилась.

Слава выругался себе под нос. Что за проклятье его пре-

следует с этими недоступными абонентами!

– Ты же не против, если я ее тут с тобой подожду? А ты пока поищи, загляни в кладовки там, в шкафы, может, найдешь.

– По магазинам, это она до вечера ходить будет. Да вы сидите, я же разве против? Вы другого такого как я, не найдете, кто гостям так рад! Слав, я поищу, конечно, твою сумку, но ты ведь нальешь? Есть-то ведь хочется, картошечка остывает.

Слава вздохнул и взялся за бутылку. Ему очень нужно, чтобы этот странный маленький человечек был на его стороне, а значит, придется выпить. Может, и тупая, гулкая боль в голове, наконец, утихнет. Когда он разлил все до капли и поставил ее обратно на столик, в ней уже снова бултыхалась ровно четверть. Слава зажмурился и выпил, произнеся про себя один-единственный тост: «За то, чтобы деньги нашлись в целости и сохранности». Загнул один палец – это первая.

Глава восьмая. Марсельеза

Слава поднял пятую, чокнулся, и в очередной раз поклялся себе, что эта – последняя. Сначала он планировал ограничиться строго одной, однако, когда художник принес свою новую картину и с торжествующим видом откинул скрывавшую ее простыню, рука сама потянулась к бутылке. Слава ровным счетом ничего не понимал в современной живописи – с таким же успехом ему можно было бы продемонстрировать схему сборки космического корабля – но, глядя на это произведение искусства, ему нестерпимо захотелось выпить – такая уж из нагромождения темных палочек, кружочков и грубых, выступающих мазков исходила глубокая экзистенциальная тоска. Впрочем, что такое «экзистенциальная тоска» Слава тоже толком не знал, однако как-то слышал по радио, что этот вид тоски очень свойственен русскому человеку, и теперь отчетливо чувствовал это на себе. «Долго смотреть на твою картину – это может и тюленя в Африке убить, если бы они там жили», – сказал Лошарик художнику. Последний кажется, принял это за комплимент.

Чем дольше Слава слушал рассказы сидящего перед ним маленького картавого человечка в берете, тем чаще брался за бутылку, потому что вся история его жизни излучала ту самую глубокую тоску, запечатленную на картине. Славе все меньше и меньше верилось, что сумка все-таки найдется.

С самой юности, закончив педагогический институт, Ван Гог толком нигде не работал, но всегда был одержим какой-нибудь великой идеей. То изучал математику и рассчитывал, когда и сколько нужно купить лотерейных билетов, чтобы непременно выиграть, то копался в архивных документах, чтобы найти царских еще времен клад, то изобрел какую-то спортивную игру и мечтал сделать ее настолько популярной, чтобы она вошла в программу Олимпийских игр. Стоило ли говорить, что ни одна из его затей не обернулась успехом. Несколько лет назад сестра пригласила его в гости в Прагу, где давно жила сама, и как-то случайно обронила, что художники, продающие на Карловом мосту свою картины, очень неплохо зарабатывают. Ван Гог по мосту ходил днями и ночами, разглядывал полотна, приценивался и, в конце концов, решил, что он и может писать картины ничуть не хуже.

– Открыл в себе талант к изобразительному искусству, – пояснил Ван Гог. – Выпьем за талант?

Оказалось, что продавать картины не так уж и просто. Почему-то на мосту родного города, который не часто посещали туристы, картины продаваться совсем не хотели, только полиция почем зря гоняла. Ван Гог прочел в интернете две заметки, которые показались ему весьма убедительными. В одной говорилось, что в наши времена даже очень талантливому художнику привлечь к себе внимание можно только эпатажем, а в другой какой-то психолог рассуждал о том,

что если хочешь стать великим, то надо присматриваться к своим предшественникам и кумирам и поступать так же, как они.

В результате в городской многотиражке как-то появилась заметка о несчастном сумасшедшем, который отрезал себе кусок уха прямо в городской поликлинике. Вообще-то изначально он планировал провести эту акцию красиво, принеся свою картину в местный художественный музей и окропив ее кровью, но испугался, что умрет от кровотечения, если к нему не подоспеет врачебная помощь, поэтому совершил свое действие прямо напротив окошка регистратуры, шокировав немаленькую очередь. Больше всего от эпатажного поступка пострадала старушка, которую чуть не хватил инфаркт.

К всяческому огорчению художника, продаже картин все это никак не поспособствовало, несмотря на прилипшую к нему с той поры кличку. Сам он был уверен, что вся беда в том, что, не подумавши, он отрезал себе левое ухо, в то время как у настоящего Ван Гога не хватало мочки правого уха.

После фразы художника: «Ничего, мой тезка тоже только после смерти прославился» пришлось выпить за важный тост:

– За признание при жизни!

Ван Гог принял стопку, зажмурился, обнюхал огурец, как собака – косточку, и положил его обратно на тарелку. Лоша-

рик оторвал несколько лепестков от цветка на подоконнике, разжевал и теперь с любопытством разглядывал в зеркале свой фиолетовый язык.

– Угол преломления равен углу отражения, – задумчиво пробормотал он. – Одна какая-то физика в голову лезет! А не выпить ли нам за яблоко, которое свалилось на голову Ньютону?

Художник тут же пододвинул бутылку поближе к Славе с таким выражением лица, словно каждая минута без выпивки была для него мучительной пыткой, по сравнению с которой рвать зубы без анестезии – сущее удовольствие.

Слава покачал головой. Ему в голову лезла совсем другая физика. Время близилось к четырем. Он мучительно пытался прикинуть, успеет ли сдать объект к понедельнику, если начнет вечером и будет работать без сна и отдыха, но квадратные метры плитки никак не хотели превращаться в трудочасы. В ушах стоял пронзительный звон, будто какие-то невидимые существа беспрерывно чокались, не произнося тостов.

– Ну, Слааав... – жалобно протянул Ван Гог. – Я ведь совсем немного прошу. Мне же ничегошеньки от тебя не нужно! Только протяни руку, возьми пузырь, и осчастливишь старого, больного человека, пострадавшего, чтобы донести свое творчество до народа. Беленькая, родная, только одна может снять мою душевную боль, успокоить раны...

– Давай сюда свой стакан, – Лошарик схватил бутылку. –

Жаль, что не граненый, но за Ньютона можно и...

Ван Гог опередил его с неожиданной прытью: перегнулся через столик и вцепился в драгоценный сосуд:

– За второй сам побежишь!

– Панки не бегают, панки чапают.

– Чего делают? – насторожился художник, не выпуская бутылку.

– Чапают, – пояснил Лошарик, – это когда ходят в таких раздолбанных ботинках, на которых даже шнурки не завязываются.

– Значит, почапашь! – Ван Гог потянул бутылку к себе, но парень был сильнее.

Слава стукнул по столику кулаком – тот испуганно задрезжал и откатился вбок.

– А ну хватит! Так, Малевич, слушай сюда.

– Я Ван Гог, – робко возразил тот.

– Неважно. У тебя ведро есть?

– Ну, то, в котором Танюша полы моет... Сегодня, вот, мыла.

– А еще?

Художник почесал в затылке, потом радостно поднял палец вверх:

– В котором она капусту квасит! Моя Танюша такую капустку фигачит, слезу вышибает, закусываешь и плачешь, закусываешь и плачешь...

– Тащи, – перебил его Слава. – По капусте потом плакать

будешь.

Ван Гог некоторое время хлопал на кухне дверцами, потом вернулся с зеленым эмалированным ведром и гордо водрузил его на табуретку посреди комнаты.

– Послушай меня, Малевич. Если ты сейчас же найдешь мою сумку... то есть твою сумку, которую я тебе вчера подарил, я тебе налью полное ведро водки.

– Ну как тебе не стыдно обманывать бедного больного человека? – Ван Гог картинно прижал руку к груди. – У меня аж в сердце закололо.

Слава с трудом сдержался, чтобы не дать ему по морде. Не бить же инвалида, в самом деле. Он повернулся к Лошарику, который примерял на место воротничка кружевную салфетку, сташенную из-под какой-то вазочки:

– Парень, я похож на человека, который имеет привычку врать?

– Ты похож на человека, который страдает провалами в памяти. Чувак, твои руки, конечно, золотые, но им нужен адаптер.

– Не понял.

– Ты можешь наливать только в стаканы, стопки, кружки, рюмки и бокалы, в общем, в тару для питья. Мы вчера уже пытались наполнить ванну про запас, забыл?

Слава схватил бутылку, отвернул пробку и перевернул ее над ведром. Жидкость бултыхалась внутри, но наружу не просачивалось ни капли. Он тряс бутылку, заглядывал

внутри, даже палец в горлышко засунул – никакого толку, как заколдованная.

– Что за черт... – в потрясении Слава придумал несколько новых нецензурных слов и выдал такую тираду, что Ван Гог восхищено произнес:

– У тебя талант к обценной лексике. Один мой знакомый составляет словарь русского мата, может, познакомлю тебя с ним?

Слава бросил на него выразительный взгляд.

– Ну, не хочешь, как хочешь, – поспешил ответить тот. – А мог бы внести свой вклад в культуру.

– Я же говорю, тебе нужен адаптер, – продолжал разглагольствовать Лошарик. – Вот мобильник нельзя же воткнуть прямо проводами в розетку – ему нужен адаптер, напряжение понижать и все такое. Так и у тебя – может, тебя водопадом смоем, если ты начнешь по ваннам и цистернам водяру разливать.

– Слав, а давай вернемся к нашим стопарикам, – жалобно попросил Ван Гог. – А то сердце вот прямо давит, аж дышать не могу...

– Стасик! Свет очей моих! – из прихожей раздался голос, звонкий и торжественный, будто ведущая концерта объявляла очередного исполнителя, лауреата всего и вся, а следом на пороге комнаты появилась и его обладательница – пышная немолодая женщина в светлом плаще и шляпе. Открывшаяся картина заставила ее на некоторое время замереть в

замешательстве.

Слава застыл над ведром с бутылкой и стопариком – безуспешно пытался проверить теорию, сможет ли он подавать «напряжение» на стаканчик непрерывно. Выходило как-то не очень – как только стопка наполнялась до краев, бутылка снова, как заколдованная, притворялась наглухо запечатанной и не выпускала из себя ни капли. И так было до тех пор, пока Слава не опрокидывал стопарик в ведро. Это же с ума сойдешь – по пятьдесят грамм десятилитровое ведро набирать! На этот раз математические способности Славу отчего-то не подвели, и в голове сразу появилось число «две-сти» – именно столько раз ему бы потребовалось налить и опустошить стопку, чтобы наполнить ведро.

Ван Гог все еще прижимал пухлые руки к груди, жадно провожая взглядом прозрачную жидкость. Лошарик в кружевном «жабо» из салфетки сидел на полу и увлеченно пытался расковырять вилкой блок питания, непонятно, откуда взявшийся и для чего предназначенный.

– Вот, засранцы! – женщина уперла руки в бока. – Что ж это вы делаете с моим любимым ведром, а?

– Танюша, тут нам Славик показывает один фокус...

Тут только до Славы дошло, что это и есть та самая Танюша, которая утром делала уборку. В голове сразу прояснилось, будто опутавшую мысли пелену кто-то милостиво свернул в рулон и убрал куда подальше.

Он поставил стопку и бутылку на стол, пригладил волосы

и представился:

– Татьяна, рад познакомиться. Ваш муж нам о вас много рассказывал. Меня зовут Слава.

Слава ни капельки не врал – еще ни одного знакомства он не ждал с таким нетерпением.

– Славик, значит, – Таня окинула его таким взглядом, каким смотрят на платье в магазине – будто сразу и оценивала, и мысленно примеряла на себя. – На кой тебе ведро понадобилось, Славик?

– Для эксперимента, – коротко пояснил он и сразу перешел к делу. – Таня, вчера я подарил вашему мужу сумку. Но там осталась одна очень нужная мне вещь... Вы не видели ее? Обычная черная спортивная сумка... Ваш Стасик говорит, что вчера принес ее домой и положил возле дивана.

– Стасик принес ее домой? Стасик принес? – Таня расхохоталась, расстегивая плащ. – Ну как же, Стасик принес! Да Стасика вчера самого принесли! Приволокли, я бы сказала. И бросили вот на этом самом диване, как мешок с картошкой.

– Ты что, Танечка, да я вчера сам пришел, на своих собственных... – перебил ее Ван Гог.

– Стасик! Ты с кем споришь?

– Виноват, – он опустил голову и шмыгнул носом, будто нашкодивший первоклассник.

– А сумку вместе с ним не приносили? – спросил Слава.

– Вместе с ним принесли ядреный перегар, грязные шта-

ны и оглушительный храп. И больше ни-че-го-шень-ки! – отрезала Татьяна.

– Вы уверены? – Слава отчаянно не хотел верить ее словам.

– Так же как и в том, что на моей голове – шляпа, а вы тут пьете уже не первую бутылку.

– А вот и не угадала, – Ван Гог заулыбался, словно ему вручили ящик водки.

– Это он его приволок? – Слава ткнул пальцем в Лошарика, который все еще увлеченно сражался с блоком питания.

– Этот? От него дождешься, пожалуй... Ах ты, говнюк мелкий, положи сейчас же на место салфетку!

Лошарик встал, послушно стянул «воротничок» и тут же попытался пристроить его на шею Тане.

– Танька, тебе идет! Выглядишь, как француженка. Марсельеза какая-нибудь.

– Алонз анфан де ла патриии... – с готовностью запела Таня во всю мощь своего голоса, да так рьяно, будто только что взошла на баррикады. Слава поморщился и потер уши, Таня умолкла, приобняла панка и смачно чмокнула его в небритую щеку.

Лошарик в своем комплименте почти не погрешил против истины. Некоторая разухабистость Татьяны, которая, не стесняя себя в выражениях, всех вокруг именовала не иначе как «говнюками» и «засранцами», что в зависимости от интонации означало либо «вот гад», либо «ах ты, мой милень-

кий», удивительным образом сочеталась с элегантностью ее образа. Не каждая женщина столь внушительной комплекции умеет подобрать одежду и украшения так, чтобы смотреться дамой, а не теткой.

– Так кто вчера Стасика привел? – спросил Слава. – Таня, вы его знаете?

– Конечно, знаю, – ответила Таня, усаживаясь на диван и ставя на столик еще одну стопку. – Я всех его дружков-алкашей знаю! Замерзла, как собака, ветер на улице. Давайте, что ли, тяпнем. Стасик, наливай!

– А наливает у нас сегодня только Слава. Славик, ну давай уже, а? – Ван Гог сложил руки на груди в просительном жесте.

– Сначала расскажите, кто вчера привел домой вашего мужа, и где его найти, – уперся Слава.

– Его Профессор притащил.

– Парень, ты знаешь этого Профессора? – Слава повернулся к Лошарику.

– Ха, – рассмеялся тот. – Так ты и его тоже не помнишь? Мы же вчера вместе бухали.

– Чего же ты сразу не сказал! – возмутился Слава.

– А ты не спрашивал, – пожал плечами Лошарик.

Слава крепко выругался и с трудом сдержал желание схватить панка за шкварник и как следует потрясти. Впрочем, вряд ли бы ему это удалось – парень был выше его на голову и заметно шире в плечах.

– Кто еще с нами пил вчера? Отделение городской больницы? Малый оркестр филармонии? Бригада локомотивного депо? Лучше сразу говори.

– Это была бы классная попойка, чувак! – миролюбиво ответил панк. – Знаешь, что такое Попойка с большой буквы?

– Кто еще с нами пил вчера? – Слава терпеливо повторил вопрос, но рука сама собой сжалась в кулак.

– Увы, вчера все было гораздо скромнее. Вот мы с тобой и Ван Гог, а Профессор уже под конец пришел.

– Значит, после Лошарика ты пошел в гости к Профессору? – повернулся он к Ван Гогу.

– Точно, пошел! Он меня пригласил обсудить эвристические алгоритмы. Я ведь культурный человек, в науке разбираюсь.

– А какого черта ты до сих пор молчал? – взревел Слава.

– Ну, Славик, я только сейчас вспомнил.

– И про хренистические алгоритмы только сейчас вспомнил?! Где он живет? – Слава повернулся к Лошарику и, не дожидаясь ответа, скомандовал. – Пошли отсюда, навестим Профессора.

– Подожди, – Ван Гог вцепился ему в руку. – Танечка, беги на кухню, принеси все кружки, какие только есть!

– Ведра вам, что ли, мало? Для экспериментов, – хохотнула Таня.

– Некогда объяснять, просто неси кружки.

– Только из-за твоего уха, – Слава бросил на Ван Гога такой взгляд, что тот поспешно отпустил славину руку и залез на диван, поджав под себя ноги.

Хозяева гостей провожать не стали. Прихожую освещала тусклая голая лампочка – пластмассовый кружок вокруг цоколя намекал, что когда-то здесь был плафон, но так давно разбился, что все о нем забыли. Лошарик сунул ноги в раздолбанные ботинки – вполне подходящие, чтобы в них чапать, – беззастенчиво стянул с вешалки красный дамский шарфик, обернул вокруг шеи и пояснил:

– Раз уж мы собрались присоединиться к научному сообществу, надо выглядеть соответствующе. Да не смотри так, потом верну.

Вертясь перед зеркалом с шарфиком, парень задел рукой лампочку, и та закачалась, отбрасывая на выцветшие полосатые обои неровные тени. Из комнаты доносилось хихиканье, потом Слава услышал, как Стасик и Таня чокнулись кружками и дружно захрустели огурцами.

– Танечка, а давай мою любимую?

И в ответ ему неожиданно звонким девичьим голосом полилось:

– Ой, то не вечер, да не вечер... Мне малым-мало спалось, ой, да во сне привиделось...

Слава глубоко вздохнул. Пальцы безотчетно сжались, пряча желание нащупать знакомое – мягкое, теплое, податливое. Гуля тоже всегда выбирала эту песню, когда он просил

ее спеть что-нибудь русское. Разом навалилась усталость, он прислонился к стене. Казалось, что последняя опрокинутая рюмка застряла в горле, и теперь там плещется обжигающая жидкость, разъедаая грань между явью и сном...

– Ох, пропадет, – доносилось из комнаты пение, – твоя буйна голова...

– Чувак, ты чего завис? Мы идем или тут еще потусуемся? – Лошарик хлопнул его по плечу.

«Сумка!» – очнулся Слава. Потряс головой, решительно открыл дверь.

Глава девятая. Окно

– Что за Профессор? Расскажи мне про него, – потребовал Слава у Лошарика, когда они вышли из подъезда.

– Очень серьезный чувак. Люблю его донимать, – ответил панк. – Я бы даже новую профессию изобрел – скрытые диверсии устраивать. Против таких, как он. Вот приходит он, весь такой чинный и благодарный, к себе в универ на лекцию, а тут у него из профессорского портфеля «Секс Пистолз» как заиграет!

– Чего он такого тебе сделал?

– Любит задавать серьезные вопросы. Серьезные вопросы меня просто убивают. Когда ко мне летит серьезный вопрос, я себя чувствую, как раненый тюлень.

– И это повод донимать человека?

– Понимаешь, чувак, серьезные люди, они из-за своей серьезности очень ранимые. Поэтому их надо из этой серьезности вытаскивать! Научить расслабляться. И я его начал обрабатывать... Обожаю что-то безобидно взрывать – без последствий, жертв и особых разрушений. Меня от этого просто плющит!

– А Профессор, значит, тут не жертва?

– Если и жертва – то жертва моей заботы, – хмыкнул Лошарик. – Да я на него культурно влияю! Вот он, например, не читал Сэлинджера «Над пропастью во ржи», а это же ге-

ниальная вещь! Она реально меняет людей, чувак. Вот мне и стало интересно: изменится он после этой книги или нет. Только он слишком серьезный... это, мол, для подростков, и вообще он, дескать, прозу не читает, а только научные труды. Я ему и в кабинет задумчивости книгу подкладывал – не помогло.

– В какой кабинет? – не понял Слава.

– Это я туалеты так благородно называю – «кабинеты задумчивости». В общем, добровольно он читать не захотел, пришлось его заставить.

– И как же ты его заставил? – содрогнулся Слава.

Воображение сыграло с ним злую шутку: ему представился привязанный к стулу благообразный седой профессор, раскрытая перед ним книга и здоровый рыжий парень с пальником в одной руке и утюгом в другой.

– С помощью науки! – гордо сказал панк. – Законы акустики знаешь? Если надеть наушники на батарею, то музыку будет слышно во всем стояке. Я ему на ночь поставил аудиокнигу. В подвале, там замок легко открывается. Заодно и все соседи познакомились с Сэлинджером – опять же, польза обществу.

Слава посмотрел на Лошарика:

– И он еще с тобой после этого пьет?

– Если я угощаю, то пьет, – хмыкнул панк. – Сэлинджер на него не подействовал... Слишком уж он уверен в своей серьезности. И тогда я взялся за боевую артиллерию...

– Боевую!?

– В переносном смысле, чувак! Так вот, о кабинетах задумчивости. Настроил я по-быстрому пару объявлений и повесил на всех углах на соседних улицах – на остановках автобусных, возле ларьков и все такое. Текст был примерно такой: «Если вам приспичило по-маленькому или даже по-большому, если присесть под кустиком вам мешают воспитание и совесть, а культурно сделать это негде, то можете воспользоваться моим туалетом совершенно безвозмездно. Я буду очень вам рад!» Ну, и адрес Профессора приписал. Представляешь, звонит ему в дверь человек и спрашивает: «Можно, я у вас в туалет схожу?» А потом еще один, и еще, и еще... Это же со сколькими разными людьми перезнакомиться можно! Всех социальных слоев! Все хотят в туалет, все любят этим заниматься культурно, не абы где – от депутатов и блондинок в манто до распоследнего бомжа – он, может, человеком себя снова почувствует, если в культурной среде сделает свои дела. Представляешь, какая тусовка может получиться? Эх, много чего написано и сделано человеком, но путеводителя по сортирам всей России не создано. Вот бы его создать, я бы адрес Профессора первым добавил!

– Я бы тебя уже после книги на ночь отучил такие шутки шутить, – мрачно сказал Слава. – В самом что ни на есть физическом смысле.

– Чувак, да если бы Профессор настолько расшевелился, я был бы только рад! Мне даже собственной физиономии ради

этого не жалко. Иначе как он поймет, кто он, на самом деле?

– А что он, кстати, преподает, этот твой Профессор? – спросил Слава.

– Какую-то заумную математику, – пожал плечами Лошарик. – Он реально крутой, его даже в Америку много раз звали, почетный член каких-то там заокеанских академий наук. Только он не захотел, и за это его жена бросила – за избыток патриотизма. Вышла замуж за буржуя и пропала в заграницах, вместе с дочкой. Даже не пишет.

– А Профессор что?

– Как все. Бухает.

Крутой Профессор жил в обычной панельной девятиэтажке. Домофон не работал, да и смысла в нем не было никакого – дверь криво болталась на одной петле.

– Смотри, это моя теория разбитого окна работает, – довольно сказал Лошарик.

– Не понял.

– Чувак, есть такая теория... Вот я им на прошлой неделе окно разбил – да не смотри так, не специально, хотел Профессору на балкон банку икры закинуть – представляешь, как бы он удивился? – а попал в окно.

– Банку икры? – Слава потер ухо.

– Да, чувак, я на икру вообще смотреть не могу. Подогнали мне тут много икры, я водку пил и икрой без хлеба закусывал, вот и перекушал ее. Вот парадокс – вроде употребляется два продукта одновременно, и в желудке все смешива-

ется, а смотреть не можешь только на один, не говоря уже о том, чтобы его хомячить, а другой – это я о водке – спокойно употребляешь... отравление какое-то местного масштаба. Надо же было как-то остатки использовать, вот и пустил на обработку Профессора.

– И что это за теория с окном и икрой?

– Не, икра тут ни при чем. А вот окно – это да! По теории, если в приличном доме разбить окно, то в нем тут же начнется всяческий хаос, бардак и прочий беспредел. Вот я им на прошлой неделе окно разфигачил, а сегодня у них уже и дверь поломалась вместе с домофоном.

– Ты за этим у себя в квартире трещину нарисовал? Теорию проверяешь?

– Не, моя трещина – это проход в пятое измерение.

– Тьфу ты, – ругнулся Слава. – И лифт не работает... какой этаж?

– Второй, пешком дочапаем. Ты только в дверь сам звони, а я подожду на лестнице. Он мне, может, и не откроет, а тебя-то наверняка пустит. Тебя, чувак, теперь везде ждут как родного – с распростертыми объятиями!

Но звонить в дверь не пришлось. На площадке перед дверью стояла заплаканная женщина – прилично одетая, но худая и бледная.

– Здравствуйте! Я ищу... – начал было Слава, но тут понял, что не знает, как Профессора зовут.

– Вы пришли к Антону? – она стиснула в руке платочек. –

Когда вы его видели в последний раз?

– Вчера.

Слава ответил и сам не понял, соврал или нет. По словам Лошарика, они вчера вместе пили, но Слава этого совершенно не помнил, и вряд ли узнал бы Профессора, встретить он его на улице.

– Ну, чего там? – высунулся на площадку Лошарик.

– Черт рыжий! – махнула платочком женщина. – Тебя еще только здесь не хватало... Так вы вместе пришли?

Слава замешкался, не зная, как лучше ответить, но дама и не ждала ответа. Она промокнула глаза платочком и всхлипнула:

– Я просто не знаю, что делать.

– А что случилось? Где наш светоч науки? – Лошарик подошел к двери и вдавил кнопку звонка.

– В том-то и дело, что он там совсем один, и ему, наверное, стало плохо, – она замерла и напряженно прислушалась, но за дверью стояла полная тишина. – Вот, принесла ему поесть – я всегда приношу ему обеды на три-четыре дня, а он не открывает! Хотя свет горит – и в комнате, и на кухне. И ключами не могу открыть – заперто изнутри, на задвижку. На телефоны не отвечает – ни на городской, ни на мобильный. Вдруг ему там плохо, вдруг сердце или инсульт... А я уже два часа здесь стою и совсем не знаю, что делать!

Лошарик принялся со всей силы колотить в дверь ногами и руками. Слава отвел женщину в сторону и спросил:

– Вы звонили в службу спасения? Сто двенадцать?

– Звонила, – всхлипнула та. – Понимаете, с тех пор, как Лариса уехала, Антон здесь совсем один живет. А я в другой квартире прописана.

– Не понимаю, – покачал головой Слава. – Причем тут ваша прописка?

Он сразу вспомнил американские документальные фильмы, где кто-нибудь звонит и сообщает по телефону 911: «Помогите, человек не открывает дверь», и спустя две минуты дом окружают полиция и парамедики, чтобы ворваться и в последний момент спасти несчастного, который поскользнулся у себя на кухне, упал прямо на ножик, случайно зажатый в руке, и заодно с испуга вдохнул жвачку. А дальше интубация, дефибриляция, реанимация, и вот уже неделю спустя счастливый обыватель выгуливает любимую собачку и со слезами на глазах рассказывает, как его спасали всем городом.

– Ну как же, – всхлипнула женщина, – они говорят, что если у меня прописки нет, они не имеют права взламывать дверь.

– А вы...

– Я его сестра.

– И этого недостаточно? – усомнился Слава.

– Они говорят, что нет. Им обязательно нужен паспорт с пропиской.

– А если в полицию позвонить?

– Полиция... – тут женщина не выдержала и разрыдалась, и Славе пришлось на некоторое время подставить ей плечо.

– Так что полиция?

– Полиция выезжает только на трупный запах, – выдохнула она.

– Тааааак, – протянул Слава.

События принимали такой оборот, что сумка напрочь вылетела у него из головы вместе с остатками дурмана – впервые со вчерашнего вечера он почувствовал себя совершенно трезвым.

– Понимаете, я женщина одинокая, мужа у меня нет, и я даже не знаю, к кому обратиться, – пожаловалась дама. – Родители наши в другом городе живут, да и пожилые они уже, не хочу их зря пугать. Есть, конечно, коллеги по работе, но они ведь не приедут помогать. Вот если бы нашелся добрый человек...

Слава вздохнул, подошел к двери и отстранил барабанившего Лошарика. Что за чертовщина такая – второй раз за два дня стоит он перед запертой дверью, за которую во что бы то ни стало нужно попасть. У Профессора дверь была правильная, капитальная – не то, что у Славы. Эта открывалась наружу, сделана, похоже, из цельного металла, коробка укрепленная, между дверью и косяком – узенькая щель, даже отвертку не вставишь. Слава покачал головой:

– Тут спецы нужны и оборудование. Я не смогу открыть, даже с инструментами.

– Может, через лоджию попробовать? – робко поинтересовалась женщина. – Она не застекленная, а у соседей снизу решетка – там легко залезть.

– Посмотрим, – уклончиво ответил Слава.

– Чувак, я тут останусь, буду на мозги ему капать, – сказал Лошарик. – Я в этом деле большой специалист.

– Может, он там помер уже, – тихо ответил Слава, чтобы сестра не услышала.

– Мы, панки, народ такой – мертвого расшевелим, – парень подмигнул, развернулся спиной и принялся ритмично дубасить в дверь подошвой ботинка.

– Стучи туда, где петля, – посоветовал Слава. – Внутри слышней будет.

Лоджия и вправду оказалась незастекленной – единственная во всем подъезде. В комнате горел свет. Слава поднял камешек, прицелился и кинул – попал в карниз окна, камешек звонко ударился и отскочил. Подождал немного – за окном никакого движения, ни тени, ни звука, только видно простую, советских еще времен люстру. Посмотрел оценивающе на решетку на лоджии первого этажа: залезть – раз плюнуть. На окнах жалюзи, света не видно.

– Вы соседей с первого этажа знаете? – спросил он у женщины.

– Там какая-то организация, сегодня у них выходной, наверное.

Что ж, тем лучше. В цокольном этаже тоже пряталась ка-

кая-то контора, над идущими вниз ступеньками был устроен козырек. Слава поплевал на руки, легко подтянулся на опоре козырька и полез наверх. Несмотря на изобильные домашние обеды и ужины, он был в отличной форме – сказывались постоянные физические нагрузки и отсутствие природной склонности к полноте.

К счастью, козырек оказался довольно крепким, а с него уже можно было достать до решетки на первом этаже, по декоративным изгибам которой лезть было и вовсе удобно. Он даже удивился: как все просто, захочешь кого-нибудь ограбить – лезь, не хочу.

Слава успел добраться почти до середины решетки, когда почувствовал что-то рядом – то ли взгляд, то ли движение, огляделся и вздрогнул: из окна за ним следил любопытный глазок видеокамеры. Он зацепился за очередной изгиб, переставил ноги, подтягиваясь выше – камера шевельнулась, отслеживая его движения. Офис под охраной... Надо поскорее добраться до Профессора, пока кто-нибудь не решил, что он собирается влезть в эту контору. Осталось совсем чуть-чуть.

Он решительно схватился за самый верх решетки, в ту же секунду она дрогнула под его рукой, и Славу резко качнуло назад. Ноги соскользнули, и он повис на руках. Женщина внизу испуганно завизжала. На асфальт посыпались куски штукатурки – левый край решетки вырвало из стены, и теперь Слава болтался на ней вперед-назад, как на качелях. Подтягивая ноги, он инстинктивно дернулся вперед и

со всего маху врезался ботинком в стекло. Кругом посыпались осколки. Слава выругался и перебрался правее – туда, где решетка пока еще крепко держалась.

Достать до перил второго этажа оказалось не так-то просто. Решетка заканчивалась вместе с окном. Дальше – с полметра стены, и только потом перила – железные, приличной высоты. Вот бы закинуть туда веревку, зацепиться – но ничего нет под рукой. На перилах болталась металлическая подставка под цветы, в ней – пустой горшок. Слава переставил ноги выше, насколько смог – получилось достать одной рукой до подставки. Подергал – выдержит ли его вес? – подтянулся за нее, другой рукой схватился за перила и перемахнул внутрь. Раздался треск рвущейся материи – зацепился курткой за цветочную подставку, порвал подкладку.

– Вы живой? – крикнула снизу женщина.

Слава высунулся с балкона, помахал рукой:

– Все в порядке! Можно, я окно разобью?

– Бейте, конечно, раз нужно. Я бегу в подъезд! – отозвалась она.

На лоджию выходили два окна, балконная дверь была заперта изнутри. В одном окне Слава увидел стол – хороший, полированный, крепкого дерева, на столе – расстеленная газета, пустая бутылка и круглая пластиковая банка с остатками какой-то рыбы. В глубине маячил высоченный книжный шкаф – от пола до потолка. Хозяин дома обнаружился в другом окне – он лежал на диване лицом вниз и не подавал

признаков жизни. Под брюками растеклось темное пятно.

Глава десятая. Профессор

Слава пошарил в облупленном шкафчике, приютившемся в углу лоджии, нашел топор и ударил обухом по стеклу рядом с тем местом, где у стеклопакета обычно бывает ручка. Стекло разлетелось вдребезги охотно, будто только того и ждало, – осталась почти пустая рама. Он просунул руку, открыл и спустя мгновение уже был внутри. В дверь уже трезвонили – сестре не терпелось попасть внутрь. Но первым делом Слава бросился к лежащему на диване человеку.

От сердца у него сразу отлегло – теплый, горячий даже, вроде дышит. Слава только собрался хорошенько встряхнуть неподвижное тело, как оно, наконец, подало признаки жизни, причем весьма неожиданные.

– Областью значений целой функции является вся комплексная плоскость за исключением одной точки, – изрек Профессор, приподняв голову, и тут же уронил ее обратно.

Слава пошел открывать дверь. Заплаканная сестра застыла на пороге:

– Ну?

– Да живой он, – махнул рукой в сторону комнаты Слава. – Пьяный вдрыбадан.

– Уф, – выдохнула женщина. – Это так не похоже на моего брата... он свою дозу знает в точности до грамма.

– Рюмки считает или остаток в бутылке? – уточнил Слава,

кое-что заподозрив.

– А? Что? – дама явно не поняла вопроса.

– А, неважно... А где рыжий? – удивился он, выглядывая в подъезд.

– Я не видела, ушел, наверное.

Слава оглядел тесную прихожую – сумки нигде не было. Вернулся в комнату, поднял Профессора и усадил его на диване.

– Любая конечная группа изоморфна некоторой подгруппе группы перестановок множества элементов этой группы, – четко оттарабанил тот, не открывая глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.